

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (56) — 2010

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- В. Н. Аргунова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 3 (56) — 2010

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr.Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr.Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr.Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr.Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr.Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr.Sc. History (Nizhniy Novgorod State University),
Assoc. Prof. **T. B. Ryabova**, Cand.Sc. History (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr.Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

Internet page: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (56) — 2010

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. А. Кручинина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 29.09.2010 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ББК 60.561.7

О. А. Хасбулатова, И. Г. Эрмиш

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ

Под социальной защитой населения понимается комплекс государственных мер, направленных на обеспечение средств к жизни части населения, оказавшегося в силу тех или иных причин в трудной жизненной ситуации (временно не занятого по объективным причинам, нетрудоспособного, имеющего ограниченные возможности здоровья и т. д.).

Идея значимости социальных гарантий в обеспечении права человека на достойную жизнь адекватна общемировому цивилизационному процессу. В общей концепции социальной политики система социальной защиты занимает важное место, поскольку имеет целью стабилизацию среднего уровня жизни населения, сокращение масштабов бедности, уменьшение разрывов в уровне жизни между различными категориями населения.

Система социальной защиты многогранна, в ее структуру входят регулирование доходов и расходов граждан; социальное страхование; социальные услуги; целевые социальные программы; льготы и пособия: адресная социальная поддержка.

Предложенная Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым стратегия модернизации и инновационного развития России не может не затронуть социальной сферы, поскольку и в советский, и в постсоветский периоды была создана всеобъемлющая система социального обеспечения населения, причем объем декларированных социальных прав и гарантий фактически не соответствовал экономическим возможностям государства.

В этой связи возрастает актуальность формирования новой модели социальной защиты, построенной не столько на ожидании обеспечения всех социальных гарантий со стороны государства, сколько на личной ответственности гражданина, когда государство участвует в социальной поддержке определенных категорий населения в четко ограниченных пределах.

Решить эту задачу непросто ввиду того, что современная российская модель социальной защиты во многом сохраняет элементы уравнилельно-патерналистской модели советского типа. Как известно, социальная политика в СССР распространяла социальные льготы и гарантии на все население. Мето-

ды борьбы с бедностью носили не столько индивидуальный, сколько макрорегулятивный характер. Низкая заработная плата балансировалась низкими потребительскими ценами, доступностью социокультурных и социобытовых услуг. Категориальный характер льгот касался в основном инвалидов, детей-сирот, беременных женщин и женщин-матерей. Социальная поддержка семьи имела в качестве объекта только женщину и ее детей. На отца льготы не распространялись. К концу XX века женщины-матери имели до 50 видов льгот и выплат, размер которых не менялся десятилетиями и существенно не влиял на уровень доходов семьи. В результате среди населения были сильны иждивенческие настроения, число тех, кто рассчитывал на собственные силы, было невелико. Такая политика вела к уравнительному принципу распределения материальных благ и снижала экономическую активность граждан.

После начала реализации экономических реформ модель социальной защиты населения претерпела определенные изменения. Была ликвидирована система льгот через производственные коллективы. Правовые основы получила система социальной поддержки граждан, временно лишившихся работы. Многократно возрос размер пособий, связанных с рождением ребенка, уходом за детьми, передачей детей на семейные формы воспитания.

Вместе с тем вплоть до 2005 года разнообразными видами льгот и выплат было охвачено две трети населения страны. Сложившаяся практика предоставления натуральных льгот (по оплате жилищно-коммунальных услуг, проезду на различных видах транспорта, обеспечению лекарствами, транспортными средствами и т. д.) привела к тому, что получатели стали воспринимать эти льготы как выполнение государством своих обязательств, не учитывая их стоимость в общем доходе.

С принятием в 2004 году федерального закона о разграничении полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти [2] многие виды социальной поддержки перестали быть декларацией. Теперь субъект социальной поддержки населения, прежде чем вводить на своей территории новый вид социальной льготы, должен предусмотреть ее ресурсное обеспечение. Поэтому, в отличие от 1990—2000-х годов, все современные социальные обязательства государства перед населением выполняются своевременно и в полном объеме. Вместе с тем современная модель социальной защиты продолжает носить уравнительно-патерналистский характер. Большинство льгот предоставляются не по уровню дохода, а по другим основаниям: стажу трудовой деятельности, наличию государственной награды, того или иного заболевания, статуса пенсионера и т. д. В результате дополнительную социальную поддержку получают граждане, чьи доходы и без этой поддержки превышают прожиточный минимум, что, по сути, противоречит идеологии адресной социальной поддержки граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

В этих условиях проблема модернизации политики льгот приобретает особую актуальность. В основу модернизации предлагается положить принцип снижения уровня прямых выплат и создание условий для мотивации экономической активности и социальной ответственности граждан. Идея социальной поддержки должна реализовываться в формах, которые не поставят получателя помощи в иждивенческое положение.

В этой связи было бы целесообразно ввести классификацию видов социальной поддержки, обозначающую цели и адресат оказания социальной помощи. Такой классификацией может быть разделение видов социальной поддержки на активные и пассивные. Меры активной социальной помощи предназначены для стимулирования творческой и трудовой активности, инициативы личности и направлены на ее самообеспечение и саморазвитие. Эти меры охватывают широкий круг проблем: усовершенствование системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров; составление программ по содействию занятости населения, в том числе выпускников учебных заведений, женщин, возвращающихся в трудовую деятельность после перерыва, связанного с уходом за ребенком; развитие предпринимательства; квотирование рабочих мест для граждан с ограниченными возможностями здоровья и ряд других. Полагаем, что в системе социальной поддержки трудоспособного населения ведущее место должно быть отведено мерам активной поддержки.

К пассивной социальной защите отнесены прямые социальные расходы и ограничения, которые осуществляются в пользу самых уязвимых слоев населения (инвалидов, граждан, имеющих по объективным причинам доходы ниже прожиточного минимума, семей с одним родителем, беременных женщин, молодых матерей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, детей). Эти меры носят распределительный характер и должны распространяться на ограниченные категории населения. В осуществлении пассивной социальной поддержки главное — определить категории населения, кому невозможно помочь иначе как путем социального патернализма. Без дифференциации характера нуждемости система социальной помощи не способна принести желаемый результат.

Таким образом, модернизация системы социальной поддержки предполагает переход от односторонних обязательств со стороны государства к взаимным обязательствам государства и гражданина, т. е. от логики возмещения социального ущерба к алгоритму социального действия. Государство будет готово оказывать социальную поддержку тем слоям населения, которые в действительности утратили трудоспособность, но не обязано помогать тем, кто в силу субъективных причин не хочет трудиться.

Логическим продолжением развития этого принципа должно стать усиление адресности социальной поддержки населения. Это позволит произвести более детальную дифференциацию социальных обязательств государства не только на уровне определенных социальных групп, нуждающихся в социальной поддержке, но и внутри последних. Адресная социальная поддержка должна быть направлена на ту категорию граждан, которые действительно испытывают объективные экономические трудности, но при этом имеют мотивацию к восстановлению трудовой активности и позитивных социальных связей. Таким образом, одним из назначений как активной, так и пассивной социальной поддержки является создание условий, необходимых для социальной реабилитации граждан.

В настоящее время наметились тенденции к дифференциации социальной поддержки населения на основе обозначенных принципов. Так, в соответствии с планом антикризисных действий и политики модернизации российской экономики, утвержденным Председателем Правительства РФ В. В. Путиным [4], в 2010 году в деятельность органов социальной защиты начала внедряться техно-

логия оказания государственной помощи малоимущим семьям на основе социального контракта. Целью внедрения этой технологии является активизация адаптивных возможностей малоимущей семьи. Государство в лице органа социальной защиты и семья заключают договор о предоставлении семье социальной помощи в виде денежных выплат, социальных услуг или натуральной помощи взамен на выполнение мероприятий по социальной адаптации семьи. К таким мероприятиям отнесены активный поиск работы при посредничестве центра занятости, участие в общественных работах, временной занятости, добровольное лечение от алкогольной зависимости, ведение личного подсобного хозяйства, надлежащее содержание жилого помещения, уход за детьми и их воспитание.

К технологиям активной социальной защиты можно отнести действующее с 2009 года направление федеральной антикризисной программы содействия занятости населения [5], когда государство оказывает финансовую поддержку в виде годового пособия по безработице безработным гражданам, состоящим на учете в центре занятости, которые представляют бизнес-планы и впоследствии отчитываются перед государством о том, куда израсходовали эти средства.

В течение десятилетий к мерам пассивной социальной защиты относились льготы и выплаты, осуществляемые государством в целях охраны материнства и детства. Система льгот для беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, предоставление им первоочередного права на надомный труд, гибкий рабочий график, работу неполный рабочий день свидетельствовала о заботе со стороны государства, но вместе с тем превращала женщину в «социального инвалида», снижала ее конкурентоспособность на рынке труда по сравнению с мужчиной. Что касается поддержки семьи, то государственная семейная политика ориентировалась на поддержку в первую очередь неблагополучных семей. В основном на поддержку этой социальной группы были ориентированы федеральные и региональные целевые программы, под нее формировался пакет социальных льгот и гарантий, в том числе обеспечение в приоритетном порядке бесплатного отдыха и оздоровления детей, устройства в дошкольные учреждения и т. д. Так, основной целью подпрограммы «Дети и семья» федеральной целевой программы «Дети России» на 2007—2010 годы провозглашались защита и улучшение положения детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [6].

Необходимость осуществлять защиту детей, воспитывающихся в социально неблагополучных семьях, не оспаривается. Однако одним из аспектов и важных условий формирования социально ответственного общества должна стать государственная политика, направленная на укрепление института семьи, формирование ответственного родительства, в связи с этим приоритеты в области социальной поддержки целесообразно отдавать семьям, добросовестно выполняющим социально значимые функции, связанные с рождением и достойным воспитанием детей.

Определенные шаги в данном направлении уже сделаны. Одним из приоритетов реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года определена пропаганда ценностей семьи, имеющей нескольких детей, а также различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в целях формирования в обществе

позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей [1].

В рамках обозначенного направления реализуется комплекс мер как материального, так и морального стимулирования. К мерам материального характера могут быть отнесены установленные федеральным законодательством виды государственных пособий гражданам, имеющим детей, в том числе ряд пособий, которые прямо ориентированы на поддержку социально ответственных семей, например, единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью, а также стимулирование ответственного родительства, которое, в частности, мотивируется выплатой единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности.

В контексте рассуждений о социальной ответственности и необходимости внедрения технологий оказания помощи на основе взаимных обязательств целесообразно отметить государственные решения, связанные с проблемами призыва граждан на срочную военную службу, — отмена отсрочек от призыва на военную службу для граждан, имеющих детей в возрасте до 3 лет либо жену со сроком беременности свыше 26 недель. Эти решения обусловили введение с 2008 года в систему мер государственной поддержки семьи двух новых видов пособий — единовременного пособия беременным женам военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и ежемесячного пособия на ребенка в возрасте до 3 лет таких военнослужащих [3].

Таким образом, не ставя задачу дать исчерпывающий ответ на вопросы, связанные с модернизацией системы социальной защиты, хотелось бы обозначить основные направления ее формирования в соответствии со стратегией инновационного развития страны. Это прежде всего определение оптимальной роли государства в установлении форм и методов социальной защиты населения; формирование у населения ответственности за свое благосостояние и благополучие своей семьи; внедрение системы адресной социальной помощи; разработка критериев дифференциации объектов, нуждающихся в пассивной или активной социальной поддержке; стимулирование инициативы граждан, направленной на обеспечение собственной материальной безопасности, на самообеспечение и самозащиту; развитие социального страхования с участием самих застрахованных (наемных работников, предпринимателей, самозанятых); стимулирование частных инвестиций в социальную сферу, в том числе в социальную защиту, развитие в этой сфере частно-государственного партнерства.

Библиографический список

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. : утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.ivcons.ru> (дата обращения: 25.08.2010).
2. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов о внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

- Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ. URL: <http://www.ivcons.ru> (дата обращения: 29.07.2010).
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ. URL: <http://www.ivcons.ru> (дата обращения: 08.09.2010).
  4. План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства Российской Федерации на 2010 год : утв. Правительством Российской Федерации 02.03.2010 г. URL: <http://www.ivcons.ru> (дата обращения: 03.08.2010).
  5. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 10.08.2010).
  6. Федеральная целевая программа «Дети России» на 2007—2010 годы : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.03.2007 г. № 172. URL: <http://www.programs-gov.ru> (дата обращения: 20.08.2010).

ББК 60.561.51

А. В. Смирнова

БРАК С ДЕТЬМИ ИЛИ БЕЗ ДЕТЕЙ: УСТАНОВКИ МОЛОДОЖЕНОВ (На материале Ивановской области)

В России в последнее десятилетие демографическая ситуация характеризуется процессом депопуляции, в том числе из-за низкого уровня рождаемости. Уровень рождения детей вне брака высок и имеет тенденцию к увеличению (в настоящее время каждый четвертый ребенок рождается вне брака) [8, с. 18]. Рассмотрение и характеристика репродуктивных установок является необходимым условием для прогнозирования изменения демографической ситуации, а также для принятия государственными органами мер по выравниванию демографических показателей.

В отечественной науке большое внимание уделяется теоретическому изучению репродуктивных установок, репродуктивного поведения населения (см.: [2, 15, 19] и др.), регулярно организуются эмпирические исследования, в качестве эмпирической базы которых чаще всего выступает население в целом старше 18 лет или молодежь как социальная группа [5, с. 97—99; 20, с. 62—68; 17].

Вместе с тем реализация репродуктивных установок в браке обеспечивает более стабильное и с экономической, и с правовой точек зрения положение детей, усиливает их социальные связи и повышает эффективность социализации. Поэтому важно изучить репродуктивные установки лиц, планирующих заключение брака, и молодоженов.

Под термином *репродуктивные установки* понимается социально-психическое состояние личности, «обуславливающее взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным

отношением к рождению определенного числа детей» [19, с. 378]. Репродуктивные установки оцениваются прежде всего через потребность в детях, выраженную в таких индикаторах, как идеальное, желаемое и ожидаемое число детей.

Идеальное число детей — это представление индивида о наилучшем числе детей в семье вообще, без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений. *Желаемое* число детей — это то их число, которое индивид предпочел бы иметь в своей семье исходя из собственных склонностей, без учета конкретных обстоятельств жизни и индивидуальной биографии. *Ожидаемое* число детей — это число детей, которое респондент «планирует» иметь в своей семье к концу репродуктивного периода.

Репродуктивные установки социально, культурно обусловлены: без наличия определенного количества детей индивид может испытывать внутриличностные конфликты, поскольку при выяснении его семейного статуса «производится непровольная оценка (и самооценка) <...> исходя из бытующих норм детности или репродуктивных норм» [20, с. 63].

Весьма важным показателем при анализе репродуктивных установок являются репродуктивные мотивы, которые представляют собой «...состояния личности, побуждающие индивида к достижению разного рода личных целей через рождение определенного числа детей. Репродуктивный мотив характеризует личностный смысл появления на свет ребенка любой очередности» [20, с. 62]. В. М. Медков отмечает, что «репродуктивные мотивы являются составной частью структуры установок, их побудительным фактором» [15, с. 8].

Репродуктивные мотивы можно разделить на три основных класса: психологические, экономические и социальные. Социальные мотивы стимулируют индивидов к рождению детей, отказу или отсрочке рождения детей через существующие нормы детности, экономические мотивы предполагают достижение таких целей, как повышение социального статуса, приобретение каких-то материальных выгод, а через психологические мотивы достигаются цели самореализации личности.

В исследовании репродуктивных установок можно обозначить ряд факторов, которые влияют на их формирование и реализацию:

— социально-демографические факторы (пол, возраст, состояние в браке, этническая принадлежность, вероисповедание, состояние здоровья, уровень образования) [8, с. 20; 13, с. 72; 5, с. 97—99; 4, с. 34—39; 9, с. 23—30; 18; 7, с. 55—62];

— экономические и трудовые (уровень дохода, профессиональный статус) [10, с. 55; 14, с. 70—97; 5, с. 100—101];

— разделяемые ценности и нормы (значимость для индивида семейных и профессиональных ценностей, влияние модели родительской семьи, отношение к детям) [6, с. 61—73];

— условия жизни (жилищно-бытовые условия и уровень развития социальной инфраструктуры, место проживания) [11; 16, с. 44—45; 6, с. 62];

— реализуемая демографическая политика, включающая эксплицитную (предоставление пособий, в том числе материнского капитала, различных выплат семьям с детьми) и имплицитную компоненты (улучшение жилищных условий, качества медицинского обслуживания, предоставление налоговых льгот и т. д.) [11; 12, с. 158—162; 21, с. 3—14];

— уровень стабильности экономической и политической ситуации [3, с. 37—46].

Говоря об условиях жизни и реализуемой политике, нельзя не отметить, что большее значение имеют не сами факторы как таковые, а их субъективное восприятие населением, исходя из принятых в социальном окружении стандартов, потребностей. Кроме того, как отмечает В. Архангельский, «восприятие людьми тех или иных условий жизнедеятельности <...> зависит не только от объективной характеристики этих условий и субъективной их интерпретации, но и от того, насколько условия жизни важнее по сравнению с ценностью детей и потребностью в детях, т. е. от конкуренции потребностей» [1].

Обратимся к эмпирическим данным и рассмотрим, какова специфика репродуктивных установок пар, вступающих в брак.

Опрос проводился в Ивановской области в городах Иванове, Шуе, Кинешме, Фурманове, Вичуге. Было опрошено 200 человек — 100 пар, подававших заявление о регистрации брака в органы ЗАГСа в апреле—мае 2010 года.

Структура опрошенных по возрасту следующая: 10 % — до 19 лет, 24,5 % — 20—24 года, 30 % — 25—29 лет, 16,5 % — 30—34 года, 19 % — старше 35 лет. Это в целом соответствует статистическим данным о возрасте мужчин и женщин, вступающих в брак, и свидетельствует о репрезентативности данных исследования.

Треть респондентов на момент официальной регистрации брака имела опыт незарегистрированных отношений (опрошенные были в основном в возрасте от 25 до 44 лет), каждый четвертый ранее состоял в зарегистрированном браке (из них 57 % в возрасте от 25 до 34 лет).

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что репродуктивные установки реализуются преимущественно в рамках брака, причем для зарегистрированного брака это является практически обязательным компонентом. Притом лишь треть респондентов, состоявших в незарегистрированном браке, имеют детей. Его продолжительность в основном составляла от 1 до 5 лет.

Таблица 1

**Доля респондентов, имеющих детей, в зависимости от их брачного статуса, %
(n = 200 чел.)**

Категория респондентов	Доля респондентов, имеющих детей
Состоявшие ранее в зарегистрированном браке и имеющие опыт незарегистрированного брака	85,0
Состоявшие ранее в зарегистрированном браке, но не имеющие опыт незарегистрированного брака	97,0
Имеющие ранее опыт незарегистрированного брака, но не состоявшие в зарегистрированном браке	30,4
Не имеющие опыта зарегистрированного и незарегистрированного брака	2,0
<i>В целом по выборке</i>	32,5

По мнению 60 % опрошенных дети играют важную роль в сохранении и укреплении брака, налаживании отношений между супругами.

Полученные в исследовании данные показывают, что 99 % респондентов, не имеющих детей, планируют в заключаемом браке реализовать свои репродуктивные установки; среди тех, у кого есть дети, таковых только 63 % (т. е. треть опрошенных, имеющих детей, не рассматривает в качестве одной из основных целей своего брака рождение детей, считая свои репродуктивные установки реализованными).

Приоритет рождения детей также раскрывается в вопросе о планируемом сроке рождения первого ребенка: 18,5 % респондентов планируют рождение первенца на первом году брака; 27,5 % — после двух лет брака; 23,5 % — после трех лет брака, 14 % — через 5 лет. Соответственно, 12,5 % не планируют рождение ребенка вообще или откладывают его на 8—10 лет (4 %). Данные, полученные по группе лиц, вступающих в брак, существенно отличаются от мнения населения в целом: по данным исследования Левада-Центра, проведенного в июле 2010 года, «около 8 % россиян утвердительно заявляют о своем желании родить ребенка в ближайшие 2—3 года, еще 9 % не исключают такой возможности» [17]. Это свидетельствует о тесной связи между установкой на рождение детей и представлениями о цели брака.

Охарактеризуем представления пар, вступающих в брак, об идеальном, желаемом и ожидаемом количестве детей в их будущей семье.

Таблица 2

Представления об идеальном и желаемом количестве детей в зависимости от пола, %
(n Иван. обл. = 200 чел., n общерос. = 1600 чел.)

Пол	Один	Два	Три	Четыре и более	Другое (ни одного, затрудняюсь ответить, все зависит от супругов)	Итого
<i>Женщины:</i>						
идеальное количество детей	0,0	28,0	27,0	34,0	11,0	100,0
желаемое количество детей	2,0	56,0	30,0	6,0	6,0	100,0
<i>Мужчины:</i>						
идеальное количество детей	0,0	25,0	30,0	30,0	15,0	100,0
желаемое количество детей	2,0	48,0	37,0	9,0	4,0	100,0
<i>В целом по выборке:</i>						
идеальное количество детей	0,0	26,5	28,5	32,0	13,0	100,0
желаемое количество детей	2,0	52,0	33,5	7,5	5,0	100,0
<i>Данные общероссийского опроса:</i>						
идеальное количество детей	6,0	54,0	25,0	7,0	8,0	100,0
желаемое количество детей [17]	9,0	43,0	20,0	9,0	19,0	100,0

Описывая идеальную семью, свыше 60 % опрошенных ивановцев имеют в виду семью с тремя и более детьми, четверть — двухдетную семью (табл. 2). Однако отмечается резкий диссонанс представлений об идеальном и желаемом количестве детей: свою семью хотели бы видеть двухдетной уже более половины респондентов, многодетной — только треть опрошенных (из них большинство указали вариант «трое детей»).

По критерию желаемого количества детей доминантная ориентация на одно- и двухдетную семью воспроизводится и в общероссийском, и в региональном исследованиях. При этом по представлениям об идеальной семье в исследовании, проведенном среди лиц, вступающих в брак, отмечается большая ориентация на многодетность¹.

Сравнение репродуктивных установок мужчин и женщин показывает, что их мнения об идеальном количестве детей в семье во многом схожи (различия в распределении — в пределах ошибки выборки). Различия проявляются в отношении желаемого количества детей в своей семье: женщины в несколько большей степени ориентированы на двухдетную семью, мужчины — на трехдетную и более, что соответствует данным аналогичных исследований [8, с. 20].

С повышением уровня образования увеличивается количество респондентов, которые хотели бы видеть свою семью многодетной, однако уменьшается число опрошенных, которые планируют эти планы реализовать.

Представления об идеальном и желаемом количестве детей также варьируются от места проживания: жители областного центра в большей степени ориентированы на простое воспроизводство, чем жители районов, у которых чаще отмечается установка на многодетность. Данные социологических исследований показывают, что существует зависимость между размером населенного пункта и репродуктивными установками: самая низкая ориентация на детей у населения мегаполисов, самая высокая — у жителей сельской местности. По мнению исследователей, это обусловлено тем, что «город формирует иной, по сравнению с сельской местностью, уровень ценностных ориентаций» [6, с. 62]. В проведенном исследовании репродуктивных установок вступающих в брак при совпадении основных ценностей (семья, дети, здоровье) выявлена большая ориентация жителей областного центра на профессиональную деятельность, возможность творческой реализации.

Представления респондентов о планируемом количестве детей в браке отличается от их представлений об идеальной семье. Так, описывая идеал, респонденты указывают двоих (23,4 %) и троих детей (29,9 %), а оценивая имеющиеся условия, планируют одного-двоих. Однако представления об идеальном и желаемом количестве детей оказывают влияние на то, рождение какого количества детей планируется. Если рассматривать установку на многодетность, то респонденты, считающие, что в идеальной семье должно быть четверо или пя-

---

¹ Следует указать, что различия данных исследований отчасти обусловлены используемой методикой: вопрос об идеальном количестве детей задавался в открытой форме. Данные исследования репродуктивных установок населения Ивановской области, проведенного в конце 2007 года, менее отличаются от общероссийских, хотя сохраняется ориентация на большее количество детей в идеальной семье [7, с. 58].

теро детей, чаще планируют рождение в своей семье троих и более детей: 21,1 и 34,6 % соответственно; менее 10 % опрошенных, описывающих идеальную семью как двух-трехдетную, планируют, что их семья будет многодетной.

В оценке факторов, которые могут помешать иметь желаемое количество детей в семье, ответы респондентов разного возраста варьируются. Так, если 40 % опрошенных в возрасте до 24 лет говорят о материальных трудностях и неуверенности в завтрашнем дне, то к 40—45 годам их количество снижается до 20 %.

Респонденты более старшего возраста чаще указывают на стремление профессионального роста (38,5 и 20 %, соответственно) и трудности при уходе за ребенком (33,3 и 10,2 %). Одним из важных препятствий, на которое указывает треть опрошенных вне зависимости от возраста, является жилищная неустроенность².

Важность наличия комфортных условий проживания доказывает и тот факт, что опрошенные, имеющие дом/коттедж или квартиру со всеми удобствами, демонстрируют большую заинтересованность в многодетной семье и планируют рождение первого ребенка в первый-третий годы брака. Напротив, респонденты, имеющие в своем распоряжении комнату в общежитии, коммунальной квартире либо съемную квартиру, ориентированы на меньшее количество детей и более поздний срок их рождения (после трех-семи лет брака).

Различаются оценки возможности реализации репродуктивных установок у людей с разным уровнем дохода. Так, респонденты, считающие себя богатыми или обеспеченными, чаще планируют рождение ребенка на первом-втором годах брака. Вместе с тем они указывают на то, что профессиональная карьера не позволит уделять семье и детям необходимое количество времени, поэтому они планируют меньшее число детей, чем хотели бы.

В то же время малоимущие откладывают рождение ребенка, ссылаясь на материальные трудности и неуверенность в завтрашнем дне. Повышение уровня дохода в семье, по их мнению, могло бы способствовать увеличению количества планируемых детей.

По мнению вступающих в брак, на увеличение планируемого числа детей в первую очередь может повлиять следующее: желание супруга/супруги — 49,5 % опрошенных; появление возможности больше времени уделять семье и детям — 37,5 %; повышение уровня доходов — 32 %.

При этом только 11 % опрошенных заметили, что предлагаемые пособия и льготы способны повлиять на их мнение о количестве детей в семье (в предлагаемой структуре факторов — это последняя позиция). Вместе с тем 40 % опрошенных признают, что реализуемые меры демографической политики приносят определенный результат, который они связывают с увеличением размера пособий (36,9 %), выплатой материнского (семейного) капитала (27,4 %), а также поддержкой многодетных семей (23,8 %).

Таким образом, большинство опрошенных считает, что реализуемые монетарные меры демографической политики недостаточны. Ресурс для достижения поставленной цели по увеличению рождаемости заключается прежде всего в формировании потребности в детях, повышении престижности многодетности, а также создании стабильных экономических условий.

---

² Лидирующие позиции данные «препятствия» рождения желаемого количества детей занимают и в исследованиях других авторов (см., напр., [1]).

Исследование репродуктивных установок вступающих в брак показывает, что они ориентированы на рождение детей больше, чем другие категории населения. Большинство опрошенных хотели бы иметь в своей семье двоих или троих детей, однако с учетом имеющихся условий (прежде всего жилищной проблемы, недостаточного уровня доходов) планируемое количество детей меньше. Среди молодежи и малоимущих имеет место тенденция откладывания рождения ребенка до того момента, когда их доходы будут более высокими и стабильными.

Библиографический список

1. *Архангельский В.* Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей // Демограф. исслед. 2010. № 3. URL: www.demographia.ru/articles_N/index (дата обращения: 04.04.2010).
2. *Архангельский В.* Рождаемость в реальных поколениях // Там же. № 2. URL: www.demographia.ru/articles_N/index (дата обращения: 04.04.2010).
3. *Багирова А. П., Ильишев А. М.* Факторы репродуктивного поведения населения: (анализ межстрановых и межрегиональных различий) // Социол. исслед. 2009. № 2. С. 37—46.
4. *Бодрова В. В.* Репродуктивные установки россиян как барометр социально-экономических процессов // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 4. С. 35—41.
5. *Бодрова В. В.* Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Социол. исслед. 2002. № 6. С. 96—102.
6. *Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н.* Семья и дети в жизненных установках россиян // Там же. 2006. № 11. С. 61—73.
7. *Гафизова Н. Б.* Семейно-брачные отношения и репродуктивные установки жителей Ивановской области // Человеческий потенциал Ивановской области: состояние и перспективы развития: сб. науч. ст. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 52—65.
8. Дети в России, 2009: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: Статистика России, 2009. 121 с.
9. *Егорова Н. Ю.* Родительско-детские отношения в браках и сожительставах // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 23—30.
10. Женщина новой России: как она? как живет? к чему стремится? / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: РОССПЭН, 2002. 168 с.
11. *Кац И. С.* Институциональные факторы демографического выбора // Демограф. исслед. 2009. № 8/9. URL: www.demographia.ru/articles_N/index (дата обращения: 04.04.2010).
12. *Ласточкина М. А.* Социально-экономические причины регулирования репродуктивного поведения // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 149—162.
13. *Лежнина Ю. П.* Семья в ценностных ориентациях // Социол. исслед. 2009. № 12. С. 69—77.
14. *Малеева Т. М., Синявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70—97.
15. *Медков В.* Рождаемость: есть ли повод для эйфории? // Демограф. исслед. 2007. № 7. URL: www.demographia.ru/articles_N/index (дата обращения: 04.04.2010).
16. *Овчарова Л. Н.* Новая политика поддержки семей с детьми // Мир России. 2008. № 2. С. 41—68.
17. Репродуктивное поведение россиян / Левада-Центр. URL: www.demographia.ru/articles_N/index (дата обращения: 29.08.2010).
18. *Синельников А.* Семейная жизнь и религиозность. URL: www.demographia.ru/articles_N/index (дата обращения: 29.08.2010).

19. Социология семьи : учеб. / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : ИНФРА-М, 2010. 637 с.
20. Халкечев А. Н. Рождаемость и репродуктивные установки молодежи Карачаево-Черкессии // Социол. исслед. 2005. № 8. С. 62—68.
21. Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века : (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.

ББК 66.74

О. А. Полюшкевич

ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

Социальная солидарность — это система идей, позволяющих социальной системе развиваться в определенном направлении. Кризисные явления во всех сферах жизни общества заставляют нас говорить о том, что изменяются и формы единства людей. Идеологические основы социальной солидарности во многом являются базисом для дальнейшего развития общества.

Солидарность (от фр. *solidarité*) — общность интересов, единомыслие, единодушие, взаимозависимость, совместная ответственность. Солидарность можно определить как принцип социального существования, предполагающий объединение ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности.

Солидарность следует рассматривать как механизм социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, который позволяет максимально использовать возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага. Солидарность свойственна любому обществу (без социальной солидарности общество распадается и разрушается), но в различные моменты истории ей присущи уникальные характеристики, определяющие степень сплоченности и единства населения в разных социально-пространственных сферах и отношениях.

Особые формы проявления социальной солидарности приобретает в локальном пространстве конкретного города. Городская среда — это не только физическое окружение, но и уровень развитости информационного обмена, характер господствующей символики, отношение человека к ближайшему социальному окружению. Эта среда открывает множество перспектив и возможностей, в то же вре-

---

© Полюшкевич О. А., 2010

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-385.2009.6 (руководитель проекта — канд. филос. наук, доц. О. А. Полюшкевич) и гранта АВИП Рособразования № 2.1.3/1260 (руководитель проекта — д-р филос. наук, проф. О. А. Кармадонов).

мя требуя от человека максимума осмотрительности, способности к психофизической, интеллектуальной и социальной адаптации в постоянно меняющихся условиях, ситуациях. Городское пространство представляет собой уникальную среду, формирующую у человека своеобразную стратегию поведения. С увеличением степени урбанизированности возрастает и сила влияния городских условий на человека. Мы полагаем, что, рассматривая формы социальной солидарности в российских городах, можно проследить формы социального изменения ментально-культурного пространства общественного социума России.

Описание и понимание символических изменений социальных реалий, выраженных в изменении различных форм социальной солидарности, позволяет понять и проанализировать причины и следствия современных событий. Особенно неоднозначно идет восприятие социальной сплоченности у мужчин и женщин, т. к. их интерпретация социальных процессов не имеет однозначного смысла: этот смысл «разлит» в конкретном времени и пространстве, задан конкретными социальными и гендерными ролями, которые они выполняют, поэтому важно рассматривать не абстрактные символические структуры, отраженные в социальном пространстве, а конкретные формы и значения, которые они приобретают в различные временные отрезки для мужчин и женщин в отдельности. Благодаря этим системам формируются новые модели социальных действий и отношений, отражающих новые конфигурации социальной солидарности общества.

Методология и методика исследования

Исследование включало в себя два этапа. Первый состоял в проведении фокус-группового исследования в разных городах России (Москва, Одинцово, Иркутск, Ангарск и Шелехово) с целью выяснения представлений россиян о социальной солидарности. Всего было проведено десять фокус-групп, в них приняли участие 86 человек — 46 женщин и 40 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет. В результате мы получили материал, позволяющий судить об общественном сознании россиян, их социальных представлениях и ценностных ориентациях. Это выявлялось через ориентацию на ценности адаптации, социализации и индивидуализации.

На втором этапе для исследования гендерной дифференциации представлений о социальной солидарности в современном российском городе использовалась методика транссимволического анализа. Транссимволический анализ исходит из предположения о том, что социальная реальность структурируется и описывается в троичной системе: когнитивный символ (существительное), аффективный символ (прилагательное) и деятельностный символ (глагол). Структура символической триады конкретна и верифицируема, отражает комплексное единство символов, формирующих определенную коннотацию — в нашем случае различную у мужчин и женщин. (Более подробно см. исследование О. А. Кармадонова, например [7].)

Для этого при помощи контент-анализа выявлялись наиболее частотные категории, встречающиеся в нарративах участников фокус-групп. Были использованы стандартизированные процедуры поиска, учета и подсчета количественных показателей, отражающих существенные смысловые стороны изучаемого явления. Исследуемые параметры: частота упоминания (индекс F_m), объем внимания (индекс V_a), общий оценочный контекст (+/-). Мы рассматри-

вали в качестве единиц анализа такие категории, как «сплоченность», «солидарность» и «единство».

Обсуждение результатов исследования

В ходе исследования мы выявили, что *процессы социальной солидарности* не такое однозначное понятие. Оно включает в себя несколько разнообразных смыслов и контекстов, прежде всего заложенных культурально, благодаря *системе образования, политическим условиям, экономическим условиям, ценностно-культурным основаниям.*

Причем мнения мужчин и женщин во всех группах разделились в области доминирования и последовательности выделенных направлений. Если мужчины полагали, что социальная солидарность в большей степени формируется благодаря *политической воле, решениям политиков, идеологии власти*, т. е. всему тому, что мы назвали политическими условиями (41 %), то только 22 % женщин были согласны с этим мнением: для них данный фактор стоит на третьем месте. На втором месте у мужчин выявляются ценностно-культурные условия (27 %), у женщин они занимают четвертое место (16 %). В них мы включили такие ответы респондентов, как *исторические традиции, менталитет народа, восприятие власти как высшей силы, знающей как «надо» и как «правильно».* Экономические условия у мужчин стоят на третьем месте (22 %), тогда как у женщин они занимают первое место (37 %), к ним мы отнесли такие ответы респондентов, как *экономические реформы, достаток людей, наличие работы, возможность обеспечить семью.* На последнем месте у мужчин (10 %) и на втором месте у женщин (25 %) стоит система образования, к ней относятся такие суждения: *возможность получения образования, качество образования, доступность образования, перспективы образования* (рис. 1).

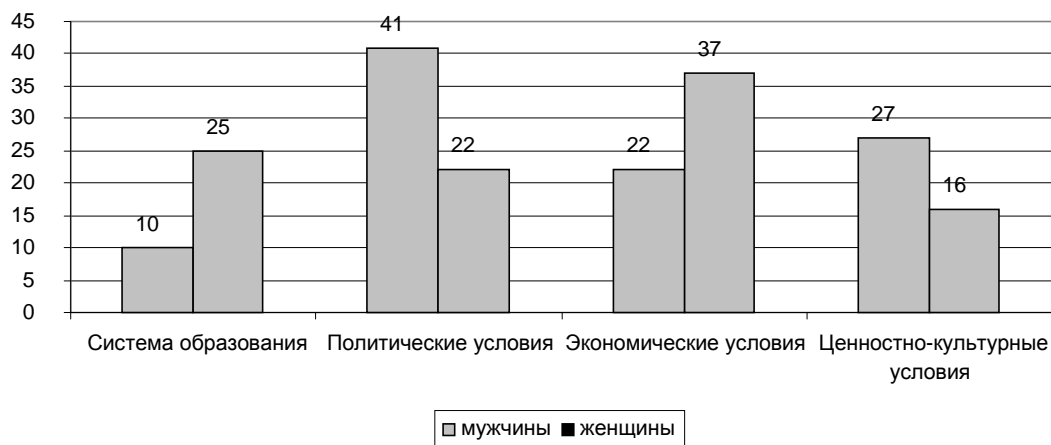

Рис. 1. Условия, по мнению участников исследования влияющие на формирование солидарности в обществе, %

Разницу в восприятии влияния разнообразных условий на общество можно объяснить именно гендерными стереотипами, доминирующими в социальной среде. Один и тот же фактор оценивается по-разному в зависимости от пола респондента, а следовательно, в зависимости от социальных ролей и социального опыта, который уже есть за его плечами. Он усваивается в процессе

социализации, через родителей, друзей, средства массовой информации, общественные институты и др.

Современное общество рассматривает гендерные стереотипы как истину, как социальный консенсус в решении проблем, когда нет однозначно правильного ответа и объективных критериев. По мнению Ф. Л. Джеймса [5], гендерные стереотипы являются истинными, трансформируются в ценности и формируют нормативные образы «истинной» мужественности и женственности и соответствующих им норм и правил поведения.

На наш взгляд, мужчины отдают предпочтение политическим и ценностно-культурным условиям потому, что власть и традиции всегда закрепляли силу и доминирующую позицию за мужчиной. Политические решения принимались с позиции мужчин, и затем закреплялись культурно-традиционной символикой. Подтверждением тому могут служить исследования Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной [6], Е. Ю. Мещеркиной [8], Т. Л. Михайловой [9], Т. Б. Рябовой [10], А. С. Синельникова [11] и других. В современном обществе на бессознательном уровне действуют те же факторы, поэтому мужчины ориентируются на власть и традицию. Женщины в большей степени выделяют экономические условия и систему образования — как ключевые факторы формирования социальной солидарности. Это объясняется тем, что данные условия наиболее влияют на повседневные практики женщин в семье: воспитание детей, получение ими образования, распределение финансов семьи.

Как для мужчин, так и для женщин — если не происходит удовлетворения того или иного условия, важного для них — характерна проекция недовольства, неудовлетворенности на социальные позиции и роли в обществе. Например, участники фокус-групп говорили следующее: *Если нет сильного лидера, то в стране не будет стабильности и сплоченности, а простым мужикам тяжело семью обеспечивать* (Михаил, 39 лет), *Только политическая воля может сплотить весь народ и дать ему возможность жить хорошо: семью обеспечить и делом нужным заниматься* (Константин, 28 лет), *Если экономические реформы приведут страну к стабильности, то и народ будет доволен и будет поддерживать власть, будет больше думать о семье и детях, а не о том, где бы подкальмить* (Марина, 44 г.), *Когда экономические преобразования приведут страну к стабильности, то и детей будут больше рожать, и работать будут больше* (Анна, 23 г.), *Если хорошее образование не всем сегодня доступно, то и объединяться люди будут совсем по другим основаниям: по статусу, образованию, профессиональной принадлежности, а не как в советское время — по принципу проживания в нашей стране, сейчас времена изменились* (Ольга, 34 г.). Данные суждения говорят о неких общих универсальных сферах, удовлетворение или неудовлетворение которыми может привести население к сплочению. И мужчины и женщины судят со своей позиции, учитывая, как внешняя обстановка будет отражаться на их жизни и их социальных ролях (в том числе и гендерных). И тут включаются именно культуральные предпосылки, обуславливающие поведение и образ мыслей людей.

Мы выделили несколько типов ценностных ориентаций участников исследования, определяющих факторы социальной солидарности. Они зависят не только от пола, но и от возраста респондентов.

К типу «адаптирующихся» с ориентацией на *социальный порядок и стабильность, здоровье и материальный достаток* можно отнести 44 % женщин и 26 % мужчин. К типу «социализирующихся» с ориентацией на *семью, карьеру и общественное признание* ориентировано 30 % женщин и 32 % мужчин. К типу «индивидуализирующихся» с ориентацией на *самореализацию, свободу и терпимость* ориентировано 26 % женщин и 42 % мужчин (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ценностных ориентаций у мужчин и женщин, %

Как видно из рис. 2, значение ценностей адаптации для мужчин с возрастом увеличивается, для женщин — ярко выражено в возрасте до 35 лет, в другие периоды относительно стабильно. Мы объясняем это тем, что, хотя материальный достаток и стабильность важны для всех, мужчина может на протяжении всей жизни приобретать «ресурсы» привлекательности, будь то карьера, материальные символы (машина, квартира, дача) и др., потому что современное общество ориентировано на успешного мужчину, добивающегося социально одобряемых позиций и приоритетов. Такой тип поведения репрезентируется через рекламу и фильмы, книги и музыку. Тогда как успешный образ женщины — иной, т. к. ее личное социальное время для получения желаемого статуса, положения и адаптации в обществе ограничено. Оно определяется ее внешними данными и возрастом (по современным представлениям, женщины более эффективны в молодом возрасте, об этом говорит все та же реклама «Будь молода и здорова», «Ты этого достойна» и т. д.), а также уровнем образования (где и на кого училась). Поэтому если женщина не добилась определенного статуса и положения до 35 лет, то, по мнению респондентов, в дальнейшем ей это сделать значительно сложнее. Более подробно эти процессы рассматриваются в исследованиях А. А. Альчук [3], Н. И. Ажгихиной [1, 2], М. В. Томской [12] и других.

Представители данной группы в большей степени воспринимают социальную солидарность как способ выражения воли и результат деятельности властей, лично они лишь приспособляются, встраиваются в те или иные условия — главное, чтобы правила были для них понятны. Например: *Когда власть делает свое дело, а ты делаешь свое, то все довольны, и тогда и стабильность, и согласие будет* (Никита, 29 лет), *Нынешняя власть дает возможность жить «в рамках», но одобряемых всеми рамках, благодаря этому можешь получить все, что*

нужно (Анастасия, 36 лет), Пока есть возможность занять лучшее место под солнцем, надо это делать и не особо бунтовать, а когда возможностей не будет, тогда уже можно и показать свое несогласие (Альбина, 29 лет).

Ценности социализации стабильны и практически одинаковы у мужчин и женщин. Мы полагаем, что тут сказывается роль традиционных ценностей, доминирующих в общественном сознании, т. к. семья, карьера и социальное признание — это то, на что ориентирована жизнь большинства населения нашей страны. Об этом же говорят исследования В. А. Ядова [14], а также опросы Фонда общественного мнения [13].

Солидарность для этой группы выступает залогом их признания, это не индивидуалисты, они ратуют за коллективные успехи и стабильное развитие. Единство народа и его сплоченность являются показателем эффективности или неэффективности деятельности властей. Например: *Если у тебя есть семья, дети, то бунтовать против власти нелепо (Мария, 47 лет), Если есть обязательства перед близкими людьми, то их необходимо соблюдать, а это будет невозможно, если в обществе не будет согласия (Анатолий, 41 г.), Если ты уважаем в обществе, тебя ценят на работе, у тебя семья, то, значит, все правильно ты делаешь и надо поддерживать и объединять вокруг себя таких же успешных людей (Никита, 34 г.).*

Ценности индивидуализации, о которых все чаще говорится в СМИ и повседневной жизни, на практике становятся более доступны для мужчин (причем чем старше мужчина, тем у него больше возможностей) и лишь для молодых женщин (до 35 лет). Чем старше становится женщина, тем тяжелее ей найти возможность, время и условия для выражения своей индивидуальности и реализовать свободу выбора, т. к. на женщинах лежит основная забота о семье и детях, они ограничены «стеклянным потолком», более низкой заработной платой, чем у мужчин, и др. (подробнее см. в работе А. А. Денисовой [4]).

Тем не менее восприятие солидарности представителями этой группы также отличается: они ее воспринимают как терпимость к самовыражению, к уважению других за то, что они другие. Для них солидарность — это многообразие. Например: *Солидарность — это единство в многообразии (Надежда, 56 лет), Солидарность — это чувство единства с близкими по духу людьми (Максим, 22 г.), Сплоченность населения возможна тогда, когда у него будут все возможности для самовыражения (Ольга, 39 лет).*

С возрастом увеличивается доля людей, ориентированных на ценности адаптации, за счет уменьшения процента в других типах. Более молодые участники исследования существенно реже ориентировались на ценности адаптации и чаще — на ценности социализации и индивидуализации, чем люди старшего возраста. Они в большей степени ориентируются на постматериалистические ценности, нежели представители более старшего возраста, вне зависимости от пола. Это вполне закономерно и объяснимо: в молодости человек строит планы на жизнь, на получение образования, карьеру, индивидуальное развитие и самореализацию, построение семьи и рождение детей; в среднем возрасте он осуществляет свои планы, позднее — оценивает себя и окружающее исходя из реализованного и достигнутого им. Распределение ценностных типов у мужчин и женщин в соответствии с возрастом представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Представленность ценностных типов у мужчин и женщин
в разных возрастных группах, %**

Ценности	18—35 лет		36—50 лет		51 г. и старше	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж
адаптации	20	27	34	33	46	40
социализации	28	25	37	36	35	39
индивидуализации	39	69	38	9	23	22

Данные, полученные при помощи методики транссимволического анализа, подтверждают и более полно раскрывают установленные закономерности. По анализируемым категориям выявлены более 440 единиц анализа, которые были сведены в несколько переменных, или категорий анализа. Когнитивные символы характеризуют то, что именно происходит в жизни, как выражается социальная солидарность; аффективные символы определяют сферы ее реализации; деятельностные символы показывают оценку реализации. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Три наиболее значимые символические триады оценки
социальной сплоченности, солидарности и единства**

Категория	Символические триады	
	Мужчины	Женщины
Сплоченность	<i>Идеология (67 %) — партийная (64 %) — соединяет (63 %). Менталитет (62 %) — русский (59 %) — формирует (56 %). Реформы (57 %) — политические (55 %) — изменяют (54 %)</i>	<i>Благополучие (64 %) — финансовое (62 %) — укрепляет (60 %). Достаток (63 %) — семейный (61 %) — определяет (59 %). Воля (58 %) — политическая (57 %) — направляет (54 %)</i>
Солидарность	<i>Воля (71 %) — политическая (69 %) — объединяет (65 %). Традиции (66 %) — исторические (62 %) — определяют (57 %). Условия (54 %) — идеологические (52 %) — создаются (50 %)</i>	<i>Уровень жизни (60 %) — российский (57 %) — формирует (51 %). Качество образования (49 %) — российское (47 %) — определяет (45 %). Идеология (50 %) — властная (46 %) — изменяет (44 %)</i>
Единство	<i>Братство (65 %) — народное (62 %) — изменяет (60 %). Власть (54 %) — исконная (53 %) — управляет (52 %). Традиции (55 %) — народные (51 %) — возрождаются (50 %)</i>	<i>Доступность образования (58 %) — народная (56 %) — изменяет (53 %). Власть (54 %) — политическая (50 %) — формирует (47 %). Традиции (53 %) — культурные (50 %) — определяют (46 %)</i>

Как видно из табл. 2, когнитивные символы в анализе социальной сплоченности у мужчин ориентированы на внешние *культурно-политические факторы* (идеология, менталитет, реформы), у женщин — на *лично-политические* (благополучие, достаток, воля). Аффективные символы у мужчин выражены *национально-политическими контекстами* (партийная, русский, политический), у женщин — *семейно-экономическими* (финансовая, семейный, политический). Деятельностные символы у мужчин отражают *динамический характер* (соединяет, формирует, изменяет), у женщин — более *стабильный характер* (укрепляет, определяет, направляет).

Солидарность у мужчин определяется *традиционными идеолого-политическими* когнитивными символами (воля, традиции, условия), у женщин — более *социально обусловленными* символами (уровень жизни, качество образования, идеология). Аффективные символы у мужчин носят также яркий *идеолого-политический контекст* (политические, исторические, идеологические), у женщин — *национально-политический* (российский, властная). Деятельностные символы у мужчин выражаются в *социально-устойчивых категориях* (объединяет, определяет, создаются), у женщин — в *социально-изменяемых* (формирует, определяет, изменяет).

Единство выражается у мужчин в *традиционно-политических* когнитивных символах (братство, власть, традиции), у женщин — в *социально-традиционных* (доступность образования, власть, традиции). Аффективные символы носят яркий *традиционный характер* и у мужчин (народные, исконные), и у женщин (народная, политическая, культурные). Деятельностные символы у мужчин выражаются в *восстановлении* былого единства (изменяет, управляет, возрождается), а у женщин — в *формировании* нового единства (изменяет, формирует, определяет).

Таким образом, транссимволический анализ показывает изменения в более глубинном слое представлений о социальной сплоченности, а также динамику развития культуральных традиций восприятия социальной солидарности. Когнитивные символы (как воспринимается ситуация) у мужчин имеют культурно-идеологическую и политическую направленность, тогда как у женщин — социальную, т. е. мужчины ориентируются на внешние формы обобщения знаний, а женщины — на практику, личный опыт. Сфера самореализации на аффективном уровне воспринимается мужчинами в традиционном аспекте, женщинами — также, с опорой на национальные семейные ценности. Т. е. кардинального изменения положения дел по гендерному вопросу вряд ли стоит ожидать, но трансформация взглядов представителей разных полов на свои роль и место в обществе уже происходит. Оценка солидарности в рамках деятельностных символов у мужчин выражается в динамических, но социально-устойчивых ориентациях на восстановление прошлого опыта (ориентация на прошлое), у женщин — в стабильных ориентациях на формирование нового опыта, стиля жизни, образа мира и т. д. (ориентация на будущее). По нашему мнению, стратегия женщин более перспективна и устойчива к социальным и личностным изменениям, а значит, они более адаптированы к внешним изменениям, чем мужчины. Особенно четко это прослеживается в современном трансформирующемся обществе.

Представленные данные говорят о том, что современные процессы эмансипации лишь обозначают возможные пути трансформации нашего общества. Ориентация женщин на стабильное, постепенное изменение социальной реальности в дальнейшем может изменить социальный порядок. Действие гендерных стереотипов социально обусловлено, и если рождается социально востребованная альтернатива, то она находит конкретную практическую реализацию — в новых нормах, шаблонах и правилах поведения. Сегодня мы можем констатировать, что на уровне общественного сознания происходит серьезная трансформация социального поведения. Восприятие процессов социальной солидарности через *сплоченность*, *солидарность* и *единство* тому яркое свидетельство.

Библиографический список

1. Ажгихина Н. И. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа // Женщины: свобода слова и творчества : сб. ст. М. : Эслан, 2001. С. 5—22.
2. Ажгихина Н. И. «Железная леди» или Баба Яга? «Женская тема» в современной российской прессе // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96». М. : МЦГИ, 1997. С. 43—46.
3. Альчук А. А. Метаморфозы образа женщины в русской рекламе // Гендерные исследования / Харьковский центр гендерных исследований. 1998. № 1. С. 255—261.
4. Денисова А. А. Стеклоплатный потолок // Словарь гендерных терминов. М. : Информация, XXI век, 2002. 255 с.
5. Джеймс Ф. Л. Самоисполняющееся пророчество: гендер с социально-психологической точки зрения. СПб. : Питер, 2001. С. 144—161.
6. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Феминизм и гендерные исследования : хрестоматия / под общ. ред. В. И. Успенской. Тверь : Тверской центр гендерных исследований, 1999. С. 83—90.
7. Кармадонов О. А. «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социол. исслед. 2004. № 6. С. 130—138.
8. Мещеркина Е. Ю. «Зазеркалье» гендерных стереотипов // Вы и мы. 1997. № 1. С. 19—22.
9. Михайлова Т. Л. Система иерархии полов и типы рациональности // Женщины. Духовные ценности. Мир. XXI век / ред. З. Х. Саралиева. Н. Новгород : ННГУ, 1997. С. 112—136.
10. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, вып. 1/2. С. 120—139.
11. Синельников А. С. Поощрение и наказание. Мужчина и патриархатная власть // Преображение : феминист. журн. 1997. № 5. С. 3—16.
12. Томская М. В. Гендерный аспект рекламы : (на материале социальных рекламных текстов) // Материалы летней школы «Общество и гендер». Рязань : Поверенный, 2003. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/tomskaya.htm> (дата обращения: 06.06.2010).
13. ФОМ. Существует ли в России гражданское общество? URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/notcomm/d010260> (дата обращения: 06.06.2010).
14. Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. URL: <http://www.polit.ru/science/2010/02/16/yadov.html> (дата обращения: 06.06.2010).

ЖЕНЩИНА И НАУКА

ББК 396.1

Н. А. Пушкарева

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА: ОБОБЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Состояние российской науки в конце XX и начале XXI в. во многом определяют ее женские кадры. Но удастся ли им в полной мере реализовывать себя на этом поприще? Легко ли строится их научная карьера? С какими барьерами они сталкиваются? Как представлены женщины-ученые в своих научных сообществах, органах управления, в фондах, финансирующих научные исследования? Какова мера влияния женщин на научную политику в науке будет к концу первой четверти века работы в условиях радикального сокращения государственных расходов на поддержку академического знания?

Возможность беспрепятственного вхождения в науку появилась у наших соотечественниц исторически раньше, чем в европейских странах и США. Уже в 1917—1920-х гг. были приняты законодательные акты, утверждавшие равенство мужчин и женщин в выборе профессии. Это предполагало и возможность научной деятельности. Ныне большинство женщин дают положительный ответ на вопрос «Имеют ли женщины в РФ равные с мужчинами права на доступ к образованию?» (71,8 %) [16, с. 103]. Однако предположение о том, что если женщины будут иметь равный доступ, то станут и активнее в получении научных степеней пока не оправдалось [35, с. 201], хотя динамика в целом положительная (табл. 1).

Таблица 1

Годы	1940	1960	1970	1980	1985	1990	1992
Процент женщин в науке	42	42	47	52	52	53	52,9

К моменту распада СССР женщин — научных работников в нашей стране насчитывалось 609 тыс. чел. 27 % из них, согласно данным массовой печати, имели кандидатскую и докторскую степени (в абсолютных цифрах — 164 тыс. чел.). За десять лет эта пропорция изменилась. К 2002 г. численность научных работников в целом уменьшилась в 3 раза и составила всего 740 тыс. чел., из них более половины — женщины (419 661 чел.) [17, с. 188]. Если в ин-

ститутах технического профиля женщин десятилетие назад трудилось 15 %, то в гуманитарных они составляли половину и больше [21, с. 113].

Изменения в положении женщин в науке за последние 20 лет «замерять» трудно, поскольку современные статистические источники не выделяют «научных работников», а ведут учет всех «специалистов с высшим образованием, выполняющих научно-исследовательские, проектно-конструкторские и технологические работы» [19, с. 4—5]. Если в 1991 г. количество женщин, работающих в науке, составило 51 %, то к 2000 г. — 63 % от всех научных сотрудников (но подсчеты удалось сделать только по работающим в гуманитарной сфере [40; 27, с. 698].

По всем группам институтов отток женщин из сферы научной деятельности в иные, если отмечался, был менее заметный, чем отток мужчин, и начался он позднее. В ряде институтов за прошедшие 20 лет продолжался рост численности женщин, в то время как численность мужчин либо стабилизировалась, либо уменьшалась. Несмотря на феминизацию в целом, число женщин на верхних ступенях научной иерархии (звания, должности) остается ничтожным (2,9 %), причем каждая пятая женщина, занятая в сфере науки, это лаборантка [43, с. 167]. Такой показатель феминизации науки — показатель феминизации бедности [2, с. 92].

В известной степени причиной тому — ценностные ориентации женщин и их отличия от аксиосферы мужчин. Для большого числа представительниц старшего поколения тружеников науки «работа» — существенная, а порой и наибольшая ценность наравне с «семьей» (у мужчин — «друзья»). Весьма значимо (на втором месте) для женщин в возрасте от 25 до 40 лет и «свободное время» [13, с. 130]. Работа в сфере науки всё это женщинам обещает. В оценке суждения «Иметь работу — лучший способ быть независимой» мнения разделились по возрастным когортам: согласные с этим — женщины «старого воспитания», ориентированные на материальную независимость прежней советской системой. Молодые же научные сотрудницы не считают независимость ценностью и ожидают помощи от мужей. Для некоторых из них работа в НИИ — желание «пересидеть» время «незамужности», получая какую-никакую зарплату и имея свободное время на поиски спутника жизни (высокооплачиваемого друга им в научной среде не найти, зато есть время на поиски). Данный вариант — показатель скрытой безработицы [44, с. 5—6].

Женщины-ученые исполнительнее, трудоспособнее, организованнее мужчин, но в условиях роста социального эгоизма, вызванного переходностью времени и общественными кризисами, они больше страдают от неумения воспользоваться своими правами [3].

Признанной в научном сообществе женщине стать очень сложно. На высшем уровне научной иерархии женщины в 2000 г. в России составляли: среди докторов наук — 20 %¹, среди членов-корреспондентов РАН (их 604) —

---

¹ В том числе среди докторов географических наук — 13 %, химических наук — 19 %, исторических наук — 24 %, биологических наук — 28,4 %, педагогических наук — 30 %, фармацевтических наук — 30,7 %, психологических наук — 34,1 %, филологических наук — 36,4 %, докторов искусствоведения — 37 % [30, с. 91].

15 %, среди академиков (их 442) — 1,3 % (6 чел.) [26, с. 69]. В РАО число женщин-академиков выше, но и там мужчины составляют больше двух третей действительных членов. Из 51 члена ВАКа, избранных в 1999 г., лишь 3 женщины (5,8 %), в составе его Президиума — 2 женщины на 26 человек мужчин [8, с. 2—3]. Женщины дискриминированы в нашей стране и в плане доступа к управлению научными фондами [47, с. 49].

В Совет РГНФ (Российского гуманитарного научного фонда), который решает вопросы финансирования новых научных проектов, входит только одна женщина — академик Т. И. Заславская (хотя среди рядовых экспертов число женщин больше) [38, 39]. Женщины слабо представлены в органах управления наукой и высшей школой. Они редко возглавляют крупные научные коллективы, являются деканами факультетов, а тем более ректорами вузов. Среди заведующих лабораториями женщин лишь 19 %, среди заместителей директоров — 4 %, собственно руководителей — 2 %. «Женщина использует лидерские средства... исподволь, поскольку крик и жесткий командный голос мужчины рассматриваются как нормальное явление, а женщины — как несдержанность и проявление женской слабости» [49, с. 83] (см. также: [7, с. 64]). В российской науке востребован мужской стиль управления, а отличие его от женского давно известно (и приведено в интервью Е. А. Калининой, ректора международного института «Женщины и управление»): «Мужчина ориентирован на решение задач, а женщина — на человека, которому нужно решить эти задачи» [29, с. 3].

Те же диспропорции — на обычном городском уровне. По подсчетам 2000 г. в Санкт-Петербурге 40 % научных работников составляют женщины. Если же распределить эти 40 % по ученым степеням и должностям, то всплывет на поверхность известная любому феминистскому исследователю закономерность: чем выше ступень служебной лестницы, тем меньше там женщин. Женщин — научных сотрудников без ученой степени 52 %, младших научных сотрудников — 57 %, и в анонимных опросах они честно указывают, что не удовлетворены своим положением, 31 %) [43, с. 170].

Доходы и расходы семей работников науки и женщин в них по качественным параметрам хуже соответствующих показателей у других категорий работников: если доходы работников науки ниже среднестатистических по стране примерно на 1/4, то женщинам-ученым, которые редко занимают руководящие посты, приходится довольствоваться еще меньшим [10, с. 75].

Фонды при распределении грантов учитывают, казалось бы, объективные показатели: количество публикаций (их у мужчин больше), научное имя (оно часто означает скрытые формы связей с одним из членов экспертного совета, которые у мужчин-руководителей обширнее, чем у женщин, реже занимающих командные должности). Вот почему гендерная асимметрия воспроизводится и тут. Женщин, полностью удовлетворенных грантовой научной политикой (а сюда входят и стажировки за рубежом), в начале 1990-х было всего 5,3 %, совершенно недовольных и категорически несогласных с дискриминацией — 64,9 % (впрочем, и среди мужчин было 43,3 % недовольных) [43, с. 172].

По сравнению с претендентом-мужчиной женщина-ученая должна чаще публиковаться и иметь в целом в 2,6 раза большую научную производительность, чтобы быть оцененной как «равнокомпетентная». Эти подсчеты швед-

ских социологов, опубликованные в журнале «Nature» в 1997 г., вызвали активное обсуждение темы в СМИ [48]. Простые подсчеты аналитиков числа «женских» и «мужских» публикаций с 1924 по 2000 г. в одном из российских научных журналов («Почвоведение») показали, что если в довоенные годы число женщин-авторов самостоятельных, индивидуальных научных статей постоянно росло, то в послевоенное время появилась «странная» тенденция: большинство публикаций, рядом с которыми стояли женские имена, стали оказываться коллективными работами, а число авторских женских, индивидуальных — неуклонно снижаться. Но, несмотря на постоянное отставание женщин от мужчин по числу публикаций, их научный вес и цитируемость оставались высокими [45, с. 134]. В проектах, поддержанных РФФИ, в начале 1990-х гг. женщины составляли до 30 % руководителей проектных групп, подавших заявки (причем более всего в возрасте 51—55 лет) [17, с. 190; 4].

Практически нет женщин — докторов наук среди физиков, математиков, вообще в технических отраслях их несоразмерно меньше, чем в естественных и гуманитарных². Это проблема не только России, но и множества стран Европы, где на рубеже тысячелетий лишь от 5 до 10 % ответственных должностей в науке были заняты женщинами [33, с. 13]. Выдающийся французский историк Мишель Перро пишет: «В наши дни среди учащихся французских университетов студентки составляют 56 %. Обновление студенческой среды несет, казалось бы, много потенциальных возможностей. Однако они не всегда реализуются. Женщина-профессор долгое время была “нежелательной” фигурой, как показывает история выдвижения кандидатуры блестящего германиста Женевьевы Бьянки на место профессора в Сорбонне и ее отвода под тем предлогом, что у Бьянки недостаточно сильный голос для лекционного зала. Первой женщиной-профессором стала в 1947 г. Мари-Жанна Дюри. В наши дни насчитывается 33 % женщин-преподавателей и только 13 % профессоров. История, наука, весьма почитаемая нашей национальной культурой, остается по преимуществу наукой мужской...» (цит. по: [52, р. 325]). По последним данным, в странах Европейского союза женщины составляют в среднем только 7 % среди тех, кто имеет звание полного профессора (от 5 % в Нидерландах до 18 % в Финляндии) [48], и далеко не во всех странах созданы организации, помогающие женщинам в науке (таковая есть, например, в Чехии, где в числе профессоров только 9,2 % женщин [22]). По данным Европейской комиссии «*She-Figures 2006*», в указанном году 43 % докторских степеней принадлежало женщинам, но только 15 % из этих женщин заняли высокие посты в научном мире [53].

Очевидно: несправедливость.

Ясно: женщины-ученые должны протестовать...

Но этого не происходит. Несмотря на нищенские зарплаты в институтах РАН и РАО (зарплаты вузовских преподавателей повыше, но и они не достигают уровня прожиточного минимума в стране), научные работницы во всех

---

² Правда, среди 28 женщин-академиков и членов-корреспондентов Российской академии наук 2/3, тем не менее, специализируются в области естественных и технических наук и лишь 1/3 — в области гуманитарных и социальных наук [32].

опросах подчеркивают, что «удовлетворены своей работой» (90,1 %), т. к. под удовлетворенностью понимают не недостаточность зарплаты, а оценку своих научных достижений, возможность заниматься творческим трудом. Такое благодушие обнажает и конформизм женщин-ученых, среди которых в настоящее время преобладают те, кому за 40 и кто проработал на своих рабочих местах 20 и более лет. Немаловажным для них является гибкий график работы, особая демократическая атмосфера университетов и институтов, творческая свобода, относительная социальная защищенность. Их мало интересуют вопросы должностного роста, и они и в 50 лет готовы числиться старшими лаборантками, ассистентками, младшими научными сотрудниками.

Их 30—40-летние сослуживицы не покидают университетов и институтов потому, что престиж сотрудника НИИ РАН плюс гибкий график занятости дают возможность иметь дополнительную работу, часто более высокооплачиваемую, с более высоким статусом. Иногда они ездят на 2—3 месяца за границу — по приглашениям, грантам. Таким образом, молодые сотрудницы, для которых профессиональная и должностная карьера в науке — важные жизненные ценности, кто активен, творчески одарен, нацелен на достижения, оказываются недооцененными и невостребованными по месту основной работы. И таковых более половины [43, с. 174]. Свои институты они вынужденно рассматривают как некий «порт приписки».

Для женской молодежи (до 30 лет) выстраивание научной карьеры — дело нелегкое, при прочих равных возможностях на перспективные должности берут мужчин. Даже в числе аспиранток, удовлетворенных условиями написания диссертационной работы, таковых всего 11 % [43, с. 172]. С женщиной — претенденткой на научную должность часто ведут кулуарные разъяснительные беседы, в ходе которых ей предлагается «уступить» [37, с. 113].

Основной рубеж в женской научной карьере — при переходе на должности профессора, ведущего и главного научного сотрудника. Именно на этом этапе отношение к ним выражается словами: «Эти могут подождать», что приводит к снижению женской трудовой активности, к желанию реализовать свой творческий потенциал за пределами НИИ. На неравную борьбу с начальством за повышение должностного статуса, обрекая себя на стресс и морально-психические перегрузки, решаются единицы. Стремление женщин к должностному росту купируется, а начальство отдает предпочтение тем, кому «ничего не надо» — безынициативным сотрудницам, которые, хотя и мало что вносят в науку, зато ничего для себя не требуют [36].

С начала реформ 90-х гг. сектор социологии науки Института истории естествознания и техники начал долговременное исследование изменений, происходящих в коллективах НИИ [5]. В рамках этой программы в 1994, 1996, 1998 и 2001 гг. проведены четыре эмпирических исследования, однако... в вопроснике не содержалось тем, связанных с гендерными асимметриями. Между тем вопрос остается актуальным: в октябре 1996 г. в ходе пилотажного опроса участниц семинара «Женщины в российской науке» предлагалось ответить: «На каких этапах своего жизненного научного пути Вы испытывали дискриминацию по признаку пола?» Большинство опрошенных женщин указали: «на всех». Речь шла о неадекватной оценке их творческого вклада в науку, ущемле-

нии их авторских прав при подготовке к публикации совместно выполненной с мужчинами работы. Одна из женщин, в частности, отметила: «При подготовке главы в монографию и большого раздела в учебное пособие были использованы мною подготовленные рукописи, но я не попала в авторский коллектив. В тот период я была ассистенткой кафедры, кандидатом медицинских наук. В знак протеста я ушла с кафедры в другой НИИ...». Такая практика игнорирования творческого вклада женщин-ученых не является результатом лишь нынешнего кризисного состояния российского научного сообщества. Можно привести множество случаев дискриминационного отношения к женщинам, долгие годы совместно с мужчинами разрабатывавшим научную проблему и не отмеченным высоким научным признанием [1].

Сопоставляя среднюю степень мобильности женщин-ученых в 1990-е гг. и в начале XXI в., английские социологи (проект Совета по экономическим и социальным исследованиям Лидского университета) пришли к выводу, что она падает: «Представительницы прекрасного пола, однажды избравшие для себя эту область деятельности, становились все старше и все чаще отдавали предпочтение более стабильной работе в промышленности или на “тихих” административных должностях» [41]. Те же наблюдения были характерны для стран Восточной Европы [18]. В середине 1990-х российские социологи сделали вывод о тяжести «кадрового балласта» в системе РАН (до 90 % в гуманитарных науках и до 60 % в науках негуманитарных). Ситуация эта сложилась, по словам аналитиков, по причине сравнительно привилегированного положения научных работников на рынке труда: будучи не самой высокодоходной, но все же неплохо оплачиваемой социальной группой, чей средний доход чуть выше, чем средний по стране, многие представители научного мира имели всегда свободный график труда, позволяющий приработки. Различия с точки зрения качества жизни, доходов и, следовательно, потребительского статуса, содержания и уровня досуга у эффективных и неэффективных ученых оказались не очень существенными [5]. Так возникла идея резкого сокращения численности списочного состава НИИ РАН и доведения зарплаты оставшихся в ней до уровня, соответствующего 1000\$ в месяц [23; 34, с. 4].

Попали ли женщины в список лучших, много ли их оказалось причисленными к «золотому запасу» российской науки? Они имели шанс. Согласно обследованиям молодежи (данные по Приволжскому федеральному округу), мотивом поступления в аспирантуру и сейчас не менее чем для половины девушек является... престижность этой формы занятости. Даже в начале XXI века так ответившие составляли абсолютное большинство (58 %) высокомотивированных и ориентированных на продолжение научной деятельности аспиранток. Промежуточные результаты в академической деятельности (количество статей к защите, участие в конференциях, своевременность сдачи «минимумов») остаются высокими именно у женщин: они чаще находятся на иждивении родителей (или мужа) и не отвлекаются на подработки, то есть объективно имеют лучшие возможности уделять больше времени научной работе. Немалое значение имеет и внутренняя организованность аспиранток [28, 46, 12, 50]. Однако и для них характерна общая тенденция воспроизводства научных кадров в РФ в последние 10 лет: в аспирантуру и докторантуру поступают в разы больше же-

лающих связать судьбы с наукой, нежели количество в итоге защитивших диссертации. И молодые люди, и девушки часто поступают в аспирантуру и даже сдают кандидатские минимумы, но завершают обучение, так и не защитившись. Аналогично — с докторантурой [20, с. 77].

Все участницы биографических опросов вспоминают о своих защитах диссертаций как о событии поворотном, некоей епифании (о термине см.: [51, с. 46]). От того, как прошла защита и каковы итоги работы, во многом зависит ответ на вопрос, состоялась ли научная карьера респондентки. Согласно опросам 1991 г., на поставленный вопрос о значимости защиты лишь жалкие 8 % женщин ответили утвердительно. При этом 41 % женщин считали, что карьера намечалась или состоялась частично, а половина опрошенных (50,5 %) пришли к выводу, что научная карьера им не удалась (мол, какое значение имеет защита?) [43, с. 174]. Причины этой грустной оценки у всех различны, но социологически просматриваются такие из них, как «недостаточность уделенного времени и отданных сил» (перенаправленных в семью), «состояние здоровья», «отсутствие помощи со стороны коллег и научного руководителя». Важна и позиция мужчин: только 23,1 % респондентов-ученых согласны с тем, что женщины должны стремиться к тому, чтобы сделать научную карьеру [43, с. 178; 42, с. 152].

Прямо связана с темой удовлетворенности своей профессией и тема неоптимизированного возрастного состава работников РАН и вузов. Научноразработанной и обоснованной методики определения оптимальной половозрастной структуры научных и учебных подразделений, которая обеспечила бы максимально эффективный процесс обучения, воспитания и приобщения молодежи к научной работе, как не было, так и нет [6]. Женщины же являются группой работников, имеющей свои специфические проблемы, поэтому их социальное и профессиональное самочувствие должно стать объектом научного анализа, в частности социологических исследований, однако с 1990-х гг. эти проблемы считаются несущественными, «привнесенными с Запада», столь пекущегося о гендерном равенстве.

Отсутствие «подвижек», инерционность мышления в отношении женщин — научных сотрудников отразили ассоциативные опросы психологов конца 1990-х гг. и настоящего времени. Так, в 1998 г. в рейтинге мужских и женских качеств, характеризующих научного работника, на первом месте и у мужчин, и у женщин — профессионализм (63—64 % ответов). Но далее: на 2-м месте у женщин — ответственность (в мужском списке она на 5-м месте), у мужчин — предприимчивость (занимающая в женском 9-е место) [6]. Совсем иные качества женщины — научного работника отметили респонденты через 5 лет: ум на первом месте (53 % испытуемых); далее: целеустремленность (47 %), коммуникабельность (33 %) [14]. Примечательно, что общественное мнение все больше увязывает с образом *успешной* женщины-ученой традиционное представление о внешней привлекательности (более 30 % ответов), хотя ранее в женщинах ценилась ответственность в выполнении порученного дела.

В апреле 2004 г. «женский вопрос» в нашей стране в очередной раз был объявлен решенным: в составе Постановления от 16 апреля 2004 г. «Об упорядочении состава координационных, совещательных, иных органов и групп, об-

разованных Правительством РФ» содержалась строка о необходимости ликвидации Комиссии по делам женщин при Президенте РФ [31]. Однако было бы слишком хорошо, если бы Комиссию уничтожали по причине решенности тех вопросов, которые она рассматривала. Ничего этого не случилось. Незадолго до Постановления в статье «Заметки к 8 марта 2003 года» академик В. Я. Гинзбург привел удручающие цифры: в то время как в Национальной академии наук США женщины составляют хотя бы 7,1 % (134 из 1874 членов), а в Президиуме ее — почти 1/5 часть (5 чел. из 23), ситуация расценивается американцами как недопустимая, дискриминирующая, у нас же при куда более шокирующих цифрах (женщины и тогда составляли на олимпе академической власти лишь около 2 %), «ненормальность того, что количество женщин в РАН ... менее 3 процентов, совершенно не осознана и не обсуждается» [11]. Та же диспропорция была характерна для национальных академий постсоветского пространства [54].

Последние выборы в РАН 2008 г. несколько увеличили число женщин на академическом олимпе: в составе действительных членов РАН — на 1 чел. (в числе 504 членов РАН стало 9 женщин, а не 8), в составе членов-корреспондентов — на 6 чел. (ныне их 30 в числе 758). Только 4 женщины из этих 39 (академиков и членов-корреспондентов) не достигли возраста 50 лет, то есть проходили по специальному списку баллотировки «для молодых».

Однако — как и ранее — ни одна из женщин — членов Академии уже многие годы так и не входит в состав Президиума РАН [9]. Для сравнения: в настоящее время в Китае насчитывается более 600 действительных членов Академии наук Китая, среди которых 41 женщина-академик, при этом, правда, возраст 9 женщин-академиков старше 80.

Таблица 2

**Женщины — члены-корреспонденты и действительные члены
АН СССР и РАН по отделению истории (1917—2009)**

Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Возраст избрания в члены-корреспонденты	Год избрания в академики	Год смерти
Добиаш-Рожденственская Ольга Антоновна	1874	55 лет (1929)		1939
Панкратова Анна Михайловна	1897	42 года (1939)	56 лет (1953)	1957
Нечкина Милица Васильевна	1901	52 года (1953)	57 лет (1958)	1985
Удальцова Зинаида Владимировна	1918	58 лет (1976)		1987
Алексеева Татьяна Ивановна	1928	59 лет (1991)	72 года (2000)	2007
Бужилова Александра Петровна	1960	48 лет (2008)		

Примечание. В скобках указан год.

Из таблицы 2 видно, что успешные выборы женщин в Академию наук в нашей стране и по нашей специальности случаются с временным «шагом» примерно в 20 лет и что сейчас среди более чем 50 действительных членов и членов-корреспондентов РАН по отделению истории есть только одна женщина, А. П. Бужилова (выбранная, кстати, по той же специальности — *физическая антропология*, — по которой присутствовала в этих списках умершая накануне выборов ее предшественница и, кстати, ее научный руководитель Т. И. Алексеева).

Даже в составе научного персонала РАН доля мужчин повышена (60 % против 40 % женщин). Это типично и для Москвы, и для регионов. При этом в негуманитарном сегменте доля мужчин составляет около 64 %, женщин 36 %, тогда как в гуманитарном сегменте соотношение обратное — женщин 55 %, мужчин 45 %. Доля мужчин в составе эффективного кластера — около 74 % (в кластере «помощников» — 69 %), а в неэффективных кластерах доли мужчин и женщин примерно равные. Это означает лишь то, что неэффективные кластеры также очевидно феминизированы по сравнению со средним гендерным составом РАН в целом [5].

Размышляя обо всех этих цифрах, трудно не вспомнить часто цитируемый в блогах тезис о том, что «статистика — скользкая вещь, ибо разные источники могут привести совершенно разные цифры; она — как купальник бикини: конечно, интересно то, что она показывает, но гораздо интересней то, что она скрывает». Действительно, помимо представленности (личной) в науке, есть еще и такой демократический показатель, как индекс цитируемости. Как обстоит с цитируемостью работ, написанных женщинами? Поскольку такие списки действуют лишь в отношении негуманитарных наук, вполне понятно соотношение: из 2287 российских ученых, чьи работы цитируются во всем мире, высокий индекс цитируемости лишь у 188 женщин [24, с. 5]. Отделенность управления научной политикой РФ от стран ЕС обернулась тем, что выделенные Брюсселем 2 млн долларов на программу «Женщины-ученые» просвистели мимо россиянок: в VI Рамочной программе ЕС 2005 г. участвовали лишь несколько столичных российских университетов. Между тем одним из условий выделения денег под проект было участие в нем женщин в количестве не меньшем чем 40 % общего списочного состава [15].

Наши университеты и НИИ на такие «жертвы» не пошли.

Библиографический список

1. Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2000. № 1. С. 141—153.
2. Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С. Суперфеминизация российской науки // Женщины в фундаментальной науке. СПб., 2000. С. 91—94.
3. Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С. Тенденция феминизации российской науки // Общество поддержки женщин-ученых. 2004. № 4. С. 8—10.
4. Алфимов М. В., Минин В. А., Мирабян Л. М. О конкурсах, о грантах и ученых, которые их получают // Поиск. 2000. № 2. С. 4.

5. Белановский С. Оценка состояния РАН (2005 г.) // Полит.ру. 2005. 15 дек. URL: <http://www.polit.ru/dossie/2005/12/15/ran.html>
6. Беляева Г. Ф., Горшкова И. Д. Профессиональные проблемы женских научно-педагогических кадров МГУ // Центр социологических исследований МГУ. 1998. 13 дек. URL: <http://www.owl.ru/win/research/msu.htm>
7. Бендас Т. В. Гендерные исследования лидерства // Вопр. психологии. 2000. № 1. С. 64—72
8. Бюллетень Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации. М., 1999.
9. В Академии наук всего 9 женщин-академиков и 30 членкоров. URL: <http://www.polit.ru/science/2009/03/08/ras.html> (дата обращения: 28.01.2010).
10. Волкова Т. А. Доходы и потребление работников интеллектуального труда // Экономист. 1993. № 11. С. 71—76.
11. Гинзбург В. Л. Удельный вес прекрасной половины : заметки к 8 марта 2003 года // Лит. газ. 2003. 28 февр. — 4 марта. С. 11.
12. Гохберг Л. Кадровый потенциал российской науки // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 8—21.
13. Гусейнова Л. А. Поиск эффективных подходов к переходу России на устойчивое развитие: особенности социокультурной эволюции ценностных ориентаций женщин на работе и в семье в современном обществе // Служба кадров. 1997. № 11. С. 129—132.
14. Емельянова Т. П., Щавелева М. А. Социальные представления о женщине — научном работнике (2003). URL: <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html> (дата обращения: 28.09.2010).
15. Женщин-академиков все еще слишком мало // Союз. Russian Baltics in European Union. 2005. 29 марта. URL: <http://www.ruseu.org/print.php?id=1284> (дата обращения: 28.09.2010).
16. Женщина новой России : какая она? Как живет? К чему стремится? / под ред. М. К. Горшковой, Н. Е. Тихоновой. М. : Рос. полит. энцикл., 2002. 168 с.
17. Женщины-ученые Санкт-Петербурга в условиях грантового финансирования / Н. И. Диденко, А. Б. Петровский и др. // Петербургские фрагменты научной картины мира. СПб., 2002. С. 240—247.
18. Йоган М. Возможности карьеры для женщин-ученых и явный и скрытый сексизм в словенском обществе (1945—1991) // Высшее образование в Европе. Бухарест, 1992. Т. 17 (2). С. 114—130.
19. Кадры науки России // Информ. бюл. / Центр исследований статистики науки. 1992. Т. 5. С. 4—5.
20. Казаринова С., Кареева Л., Шепелева О. Анализ формирования и использования кадрового потенциала науки в Российской Федерации // Вопр. статистики. 1995. № 2. С. 72—79.
21. Куперитох Н. А. Динамика численности женщин-ученых : (на материалах Сибирского отделения РАН) // I Всесибирский конгресс женщин-математиков : (к 150-летию со дня рождения С. В. Ковалевской) : тез. докл. Красноярск, 2000. С. 113—115.
22. Линкова М. «Наука пока опирается на мужские ценности» // Футурумтур. 2003. 9 авг. URL: http://futurumtour.com/che/che_04_95.php
23. Малахов А. Академическая дисциплина по-русски // Деньги. 2004. № 41 (496). 18 окт.
24. Миримов И., Штерн Б. От целого к частному // Троицкий вариант. 2009. № 5 (24). С. 5.

25. *Мирская Е. З.* Вот мы какие. Изменение самосознания академических ученых. URL: <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm> (дата обращения: 28.09.2010).
26. *Мирская Е. З., Мартынова Е. А.* Женщины-ученые: проблемы и перспективы // Социальная динамика современной науки. М. : Наука, 1995. С. 60—81.
27. *Мирская Е. З., Мартынова Е. А.* Женщины в науке // Вестн. РАН. 1993. Т. 63, № 8. С. 690—698.
28. Многомерная типология аспирантов / С. С. Балабанов, Б. И. Бедный, Е. В. Козлов, Г. А. Максимов // Excellion! : информ. портал. 2003. URL: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/12481897.html> (дата обращения: 05.06.2010).
29. *Насонкина М.* Женское счастье — это не так просто, как кажется мужчинам // Невское время. 2000. № 125 (2248). 13 июля. С. 3.
30. Наука России: 1994. М. : ЦИСН, 1995. 330 с.
31. Об упорядочении состава координационных, совещательных, иных органов и групп, образованных Правительством Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2004 г. URL: http://www.government.gov.ru/data/news_text.html? (дата обращения: 28.09.2010).
32. Отчет о научных кадрах РАН за 1999 г. М. : Наука, 1999. 289 с.
33. *Петров Р. В.* Международная премия «Женщины в науке» // Наука в России. 2000. № 2. С. 13—14.
34. *Петухов С.* Воспаление РАН : реформа науки приняла форму протеста // Коммерсант. 2005. № 66 (3150). 14 апр. С. 4—5.
35. *Прокофьева Л., Фести П., Мурачева О.* Профессиональная карьера женщин и мужчин // Вопр. экономики. 2000. № 3. С. 74—85.
36. *Пушкарева Н. Л.* Женщины в российской науке: два столетия дискриминации // Женщина +. 2004. № 3 (31). С. 46—54.
37. *Пушкарева Н. Л.* Этнография современной российской науки: гендерный аспект // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : Вариант, 2007. С. 111—133.
38. Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 1997 г. № 1733-р // Вестн. Рос. гуманит. науч. фонда. 1998. № 1. С. 122—129.
39. Распоряжение Правительства РФ от 6 июля 1999 г. № 1082-р // Там же. 1999. № 4. С. 78—81.
40. *Сатерленд М. Б.* Женщины и образование : прогресс и проблемы // Перспективы: вопр. образования. 1992. № 4. С. 24—34.
41. *Светина Б.* Летающий профессор : почему исследователей Европы тянет к чужим берегам? // Поиск. 2004. 11 апр. С. 7.
42. *Симакова Н. В.* Женщины-интеллигенты в меняющемся обществе // Интеллигенция в социальных процессах современного общества. М. : Наука, 1992. С. 151—165.
43. *Симакова Н. В.* Женщины-ученые и перестройка // Интеллигенция и перестройка. М. : РОСПЭН, 1991. С. 167—181.
44. *Соколова Г.* Феминизация науки и интеллектуальной сферы // Иной взгляд. 2000. № 3. С. 5—6.
45. *Сычева С. А.* Гендерный подход к оценке печатной продукции ученых // Науковедение. 2002. № 4. С. 134—137.
46. *Терехов А. И.* Особенности формирования кадрового потенциала российской науки: «диссертационная» модель научной карьеры // Там же. 1999. № 2. URL:

- <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/XCILOG/DISS/DISS.HTM> (дата обращения: 28.09.2010).
47. *Трон Э. А., Фокичев Ю. Н.* Женщины в Академии наук : (Северо-Западный регион России) // Женщины в фундаментальной науке. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. политех. ун-та, 2000. С. 119—128.
  48. *Троян В.* Женщина и наука: подруги или соперницы? // Зеркало недели. 2002. № 1 (376). 5 янв. С. 3.
  49. *Шевченко О. А.* Специфика женского лидерства : (по материалам глубинных интервью) // Вариации на тему гендера / под ред. И. И. Юкиной. СПб., 2004. С. 83—93.
  50. *Юревич А. В.* Неравное равенство: расслоение российского научного сообщества // Науковедение. 2002. № 3. С. 57—74.
  51. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Нарративный анализ в социологии // Социол. журн. 1997. № 3. С. 46—52.
  52. *Rossiter M. W.* The Matthew Mattilda Effect in Science // Social Studies of Science. 1993. Vol. 23, № 2. P. 325—341.
  53. She Figures 2006. Women and Science. Statistics and Indicators. URL: http://ec.europa.eu/research/science-society/pdf/she_figures_2006_en.pdf (дата обращения: 15.09.2010).
  54. VIP-жінка української науки // Украина молода. 2008. № 121. 4 июля. URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1195/169/42466> (дата обращения: 15.09.2010).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

ББК 60.542.2:60.542.224.3

И. С. Куприянов

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Введение

Борьба со взяточничеством в России сегодня приобретает особое значение. Современный инновационный путь развития, на который пытается встать наша страна, переходя от «сырьевой» экономики к «умной», невозможен без принятия решительных мер в отношении любых коррупционных проявлений как со стороны государственных служащих, бизнеса, так и со стороны рядовых граждан.

Проблема коррупции давно находится в поле зрения отечественных ученых, политиков и общественных деятелей; в последние годы в России вышло немало научных работ, ей посвященных [3, 4, 6, 7, 10]. Ее изучением активно занимаются и различные международные общественные организации (например, Transparency International), а крупные финансовые институты (скажем, Мировой банк) даже инвестируют собственные средства в исследование данного социального явления. Более того, государство само начинает финансировать подобного рода исследования: в регионах (например, в Тверской области) проводятся конкурсы на организацию социологических мониторингов коррупционных отношений.

Несмотря на повышенный интерес ученых к проблеме коррупции, отдельные ее аспекты остаются слабоизученными.

С нашей точки зрения, интересными для анализа являются гендерные различия в субъективных представлениях населения о коррупции, а также объективных показателях коррупционного взаимодействия.

Тема эта относительно новая, однако здесь уже имеются некоторые эмпирические данные. Так, в докладе, подготовленном сотрудниками Всемирного банка в 2001 г., говорится, что наделение женщин равными правами наряду с мужчинами придает государственной системе управления большую открытость, а там, где выше влияние женщин на общественную жизнь, как правило, ниже уровень коррупции [1, с. 14]. Американские исследователи (А. Суоми, С. Нэк, Я. Ли, О. Азфар) приводят полученные ими социологические данные о том, что по сравнению с мужчинами женщины существенно реже дают и полу-

чают взятки. Результаты анализа ситуации в различных странах мира подтверждают обратную зависимость между уровнем коррупции и ролью женщин в общественной жизни [14, p. 31].

Мировой опыт исследования коррупции

Серьезное изучение коррупции в России началось во второй половине 90-х гг. прошлого века. С тех пор был накоплен немалый опыт проведения специальных исследований, появились интересные методические подходы, большой эмпирический материал, характеризующий динамику проблемы. Сегодня как в нашей стране, так и за рубежом существует ряд организаций, специализирующихся на исследованиях коррупции.

Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (ИНДЕМ) был учрежден в 1997 г. по инициативе Г. А. Сатарова, помощника Президента России Б. Н. Ельцина. В 1999 г. ИНДЕМ выиграл объявленный Мировым банком тендер на проведение диагностического исследования коррупции в России, которое началось через несколько месяцев. Результаты были обнародованы в 2001 г.

В опросе участвовали эксперты, т. е. те, кто по роду своей деятельности сталкивались с коррупцией (чиновники, политики, работники правоохранительных органов), рядовые граждане России (результаты анкетного опроса этой группы легли в основу измерения бытовой коррупции) и предприниматели (результаты их анкетирования были использованы для изучения деловой коррупции). Опросом были охвачены все 7 федеральных округов. В каждом округе выбирались по 2 субъекта Российской Федерации [2, с. 14].

Данное исследование стало, наверное, первым, в котором подробно была описана картина российской коррупции. Внимание было уделено не только субъективному аспекту проблемы (отношению граждан к взяточничеству), но и объективному.

В 2005 г. фондом ИНДЕМ было проведено очередное исследование коррупции в России, по результатам которого можно сделать весьма неутешительные выводы. Рынок бытовой коррупции в стране увеличился с 2,8 млрд долл. в 2001 г. до 3 млрд долл. в 2005 г. Резко возрос уровень коррупции в сфере частного бизнеса. По результатам опроса предпринимателей, этот рынок вырос более чем в 9 раз — с 33,5 млрд долл. в 2001 г. до 316 млрд долл. в 2005 г. [8].

Проблему коррупции изучают и некоторые ведущие научно-исследовательские центры, занимающиеся проведением массовых социологических опросов на территории России. Одним из них является *Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ)*, вот уже на протяжении 15 лет изучающий коррупционные отношения в нашей стране.

Исследования ведутся по двум основным направлениям: выявление субъективных представлений граждан о коррупции (оценки ее масштабов, уровня коррумпированности тех или иных социально-экономических институтов и др.) и измерение объективных компонентов коррупции (доля случаев дачи взятки гражданами чиновникам, средний размер взятки и т. п.). Исследования проводятся в масштабе как всей страны, так и отдельных регионов (в частности, в Москве, Московской области, Самаре, Челябинске, Новосибирске) [3, с. 23].

Если ИНДЕМ и ЦЕССИ стремятся измерить реальный уровень, размах и масштабы коррупции в России, то компания «*Transparency International*» делает упор на анализе субъективного восприятия коррупционных практик в разных странах мира. Эта организация была создана в 1993 г. в Берлине. Среди ее создателей — экс-чиновники высшего звена из США и некоторых других стран, высокопоставленные сотрудники ООН, политики, представители крупного бизнеса. В 2000 г. отделение центра антикоррупционных исследований и инициатив «*Transparency International*» появилось и в Москве.

Эта организация получила всемирную известность благодаря так называемому индексу восприятия коррупции (ИВК) (*Corruption Perceptions Index*), составляемому ежегодно с 1995 г. Индекс опирается на данные исследований, проводимых независимыми организациями в различных странах мира. ИВК ранжирует их по совокупной коррумпированности (учитываются разные виды, уровни и формы коррупции) путем выставления баллов от 1 до 10 (10 — неподкупность, 1 — продажность) на основании экспертных опросов аналитиков и предпринимателей, проживающих или работающих в этих государствах. Согласно данным 2007 г., Россия была отнесена к группе стран с высоким уровнем коррупции и занимала 143-е место из 180. Столько же баллов набрали Гамбия, Индонезия и Того. В числе наиболее благополучных в этом отношении государств оказались Дания, Финляндия, Новая Зеландия и Швеция [13].

Аналитический центр «*Heritage Foundation*» в своем «Индексе экономической свободы» (*Index of Economic Freedom*), который публикуется ежегодно с 1995 г. на страницах «*Wall Street Journal*», в настоящее время оценивает 161 государство по 50 независимым параметрам, разбитым на 10 категорий экономической свободы: торговая политика, налоговая нагрузка, степень вмешательства государства в экономику, монетарная политика, инвестиционный климат, состояние банковского и финансового рынков, зарплата и цены, защита собственности в стране, законодательство и степень организованности рынка. Все страны в рейтинге делятся на пять категорий — от «свободных» до «подавленных». Россия среди них занимает 120-е место, как «преимущественно несвободная»: уровень экономической свободы американские специалисты оценили в 54 % из 100 %. Главной проблемой по-прежнему остается коррупция: по этому показателю у России 126-е место. Первую пятерку списка составили Гонконг, Сингапур, Австралия, США и Новая Зеландия. Россию в рейтинге экономических свобод обогнали Грузия, Намибия, Таджикистан, Индия и Молдавия [11].

Похожая классификация стран присутствует и в исследованиях «*Freedom House*». Эта организация, основанная в 1941 г., финансируется рядом международных благотворительных фондов, а также Управлением международного развития США и Информационным агентством США. С 1973 г. организация публикует так называемый рейтинг свободы, который представляет собой комплексную, интегральную характеристику страны с точки зрения свободы на основе ряда экономических и социально-политических параметров. В результате все государства относятся к одной из трех категорий: «свободные», «частично свободные» и «несвободные». Россия начала принимать участие в этом рейтинге с 1991 г. и тогда являлась «частично свободной» страной. В декабре 2005 г. в очередном докладе «*Freedom House*» было заявлено, что Россия пере-

ведена из «частично свободных» в «несвободные страны». Это произошло из-за ухудшения положения в стране с избирательным процессом, гражданским обществом и повышения уровня коррупции [9].

Методология и методы исследования

Весной — летом 2008 и 2009 гг. под руководством доктора социологических наук, профессора А. Ю. Мягкова нами было проведено лонгитюдное исследование рынка бытовой коррупции в Ивановском регионе, в рамках которого мы получили возможность проанализировать гендерные различия в субъективных и объективных компонентах коррупционного взаимодействия.

В социологических опросах приняли участие жители г. Иванова, а также 12 городов и районов Ивановской области в возрасте от 16 до 65 лет включительно, постоянно проживающие на территории региона*. Исследование проводилось в 2 этапа. На первом этапе (май — июль 2008 г.) методом формализованного персонального интервью были опрошены 540 человек, отобранных на основе многоступенчатой комбинированной (квотно-случайной) выборки. На втором этапе (май — июль 2009 г.) объем выборки составил 506 человек, опрошенных по аналогичной методике.

При измерении субъективных и объективных компонентов бытовой коррупции мы использовали следующую систему базовых концептуальных и эмпирических показателей.

Понимание коррупции — характеризует объяснение респондентами понятия коррупции, ее причин, а также отношение населения к данному явлению.

Оценка уровня коррупции — показатель степени коррумпированности различных сфер общественной жизни, которая оценивается респондентами в баллах на основе их представлений о сложившемся положении в той или иной сфере. В нашем исследовании для измерения данного показателя субъективного восприятия масштабов коррупции мы использовали 5-пунктную шкалу, в которой 1 балл оценки соответствовал представлению респондента о низком уровне коррупционных проявлений (или полном их отсутствии) в той или иной сфере, а 5 баллов — о высоком (постоянном, повсеместном) уровне.

Охват коррупцией — доля граждан, хотя бы раз в жизни попадавших в коррупционную ситуацию. Для измерения данного компонента мы использовали закрытый вопрос: «Приходилось ли Вам или членам Вашей семьи хотя бы раз в жизни столкнуться с такой ситуацией, когда Вам пришлось дать взятку?» Этот показатель отражает лишь верхний пласт такого сложного и многоаспектного явления, как взяточничество, указывает на наличие (отсутствие) коррупционного опыта у граждан, причем не только в нынешних социально-экономических условиях, но и в длительной ретроспективе.

Риск коррупции — доля случаев попадания граждан в коррупционную ситуацию, независимо от ее исхода для обеих сторон-участниц (т. е. состоялась передача взятки или нет). Данный показатель может рассматриваться и как

---

* Помимо областного центра, социологическим исследованием были охвачены следующие населенные пункты: Кинешма, Шуя, Вичуга, Фурманов, Тейково, Родники, Кохма, Приволжск, Комсомольск, Юрьеvec, Лежнево, Верхний Ландех.

уровень интенсивности коррупционного давления власти на граждан. С помощью закрытого вопроса: «Вспомните, пожалуйста, приходилось ли Вам когда-либо сталкиваться с ситуацией, когда Вас вынуждали дать взятку?» — можно зафиксировать факт вымогательства в различных секторах общественной жизни, т. к. компонент описывает одну из сторон коррупционного взаимодействия — власть. Мы также посчитали необходимым привести этот показатель не только в целом по массиву, но и по каждой из общественных сфер (путем уточняющего вопроса, задаваемого респонденту) с целью ранжирования их по степени коррумпированности.

Спрос на коррупцию — готовность респондентов давать взятки; доля случаев, когда среднестатистический гражданин дает взятку, оказавшись в коррупционной ситуации. Показатель может рассматриваться в качестве индикатора готовности граждан решить свою проблему с помощью взятки или поддаться коррупционному давлению со стороны государственного служащего или должностного лица. Он описывает вторую сторону коррупционных взаимоотношений — рядового гражданина. Для определения данного параметра респондентам предлагалось вспомнить, *приходилось ли им давать взятку в прошлом году*. Индикатор «спрос на коррупцию» позволяет оценить реальные масштабы взяточничества в конкретный временной период, определить долю рынка коррупционных услуг в той или иной сфере общественной жизни, для чего респондентам задавался уточняющий вопрос относительно конкретной области, в которой был отмечен факт дачи ими взятки.

Интенсивность коррупции — среднее число взяток в год, приходящееся на одного потенциального взяткодателя. Для измерения показателя нами использовались вопросы: «Сколько примерно раз Вам приходилось давать взятку в прошлом году?» и «Когда в последний раз Вам пришлось дать взятку?» Этот индикатор позволяет измерить число коррупционных столкновений граждан с государственными структурами, кроме того, он фиксирует данные практики в конкретный временной период, давая, таким образом, возможность проследить ситуацию в динамике.

Средний размер взятки — средний размер взятки в денежном выражении на одну условную коррупционную сделку в календарном году. Для вычисления среднего размера взятки респондентам предлагалось ответить на вопрос типа: «Вспомните, пожалуйста, какую примерно сумму в рублях Вы потратили на взятку?» Для вычисления итогового показателя мы использовали робастное среднее: нами отбрасывались ответы с самыми высокими и самыми низкими суммами взяток [5, с. 352]. По оставшимся данным вычислялось среднее арифметическое значение. Средний размер взятки высчитывался как по всем коррупционным услугам в целом, так и по отдельным сферам общественной жизни (локальным коррупционным рынкам).

Среднегодовой взнос — средние годовые затраты одного потенциального взяткодателя в календарном году. Показатель определялся нами как произведение интенсивности коррупции и среднего размера взятки по формуле: $y = bt$, где y — среднегодовой взнос, b — среднее число взяток в год, приходящееся на одного условного взяткодателя, t — средний размер взятки в год в денежном выражении, выплаченный одним условным взяткодателем.

Годовой объем рынка — оценка суммарного оборота коррупционного рынка в денежном выражении за календарный год. Показатель рассчитывался как совокупность всех взяток, выплаченных всеми потенциальными взятокодателями в течение года, по формуле: $M = Pqu$, где M — годовой объем рынка, P — численность взрослого населения от 16 до 65 лет, q — доля респондентов, ответивших, что им приходилось давать взятку в данном календарном году, u — среднегодовой взнос [12, с. 25—28].

Результаты исследования

Первая задача, которую мы ставили перед собой, состояла в том, чтобы выяснить, как население Ивановской области понимает термин «коррупция».

Результаты опроса показывают, что у большинства жителей региона есть определенным образом сформировавшееся мнение относительно этого термина. Полученные ответы можно свести к четырем основным группам.

В *первую группу* входят ответы, содержащие упрощенно-бытовое определение коррупции и понимание ее как процесса передачи взятки гражданином чиновнику, государственному служащему или иному должностному лицу. *Вторую категорию* составляют суждения, согласно которым коррупция есть злоупотребление должностным (служебным) положением чиновника, государственного служащего в личных, корыстных целях, как правило, для достижения определенной материальной выгоды. *Третья группа* представлена ответами, где коррупция понимается как процесс взаимодействия между государством и бизнесом, властью и гражданами, выражающийся в теневом регулировании сложившихся взаимоотношений. *Четвертая группа* содержит определение коррупции не как объективного процесса или социального явления, а как комплекса причин, ее порождающих. Здесь в качестве объяснений существования взяточничества респонденты видят сращение власти с криминальными структурами, отсутствие эффективной законодательной базы, поражение коррупцией всех уровней государственной и муниципальной власти, вследствие чего возникает круговая порука чиновников, их зависимость друг от друга (например, подкуп нижестоящим должностным лицом вышестоящего).

Мнения респондентов о причинах коррупционных отношений можно свести к двум основным группам, имеющим объективную и субъективную природу. В качестве *объективных причин* коррупции, которые существуют вследствие определенных социально-экономических условий и соответственно могут регулироваться государством, респонденты называли низкую зарплату государственных и муниципальных служащих, отсутствие эффективной законодательной базы и, как следствие, безнаказанность должностных лиц, а также низкий уровень жизни населения страны. *Субъективные* причины, порождающие мздоимство со стороны чиновников, жители региона связывают с личными качествами госслужащих: алчностью и жадностью, а также с менталитетом самих граждан, укоренившимся мнением, что взятка — это нормальное и привычное явление.

Нужно отметить, что статистически значимых различий в понимании термина «коррупция» и объяснении причин взяточничества мужчинами и женщинами не обнаружено ($p \geq 0,1$).

В оценках взяточничества жители Ивановской области относительно солидарны: более 2/3 опрошенных ответили, что коррупция — это негативное явление, с которым надо бороться, причем женщины продемонстрировали большую нетерпимость к коррупционным проявлениям, нежели мужчины (рис. 1). Напротив, почти 15 % опрошенных нами мужчин высказали мнение, что коррупция — это нормальное явление современной жизни, тогда как среди женщин такой точки зрения придерживаются менее 6 % опрошенных ($p \leq 0,05$).

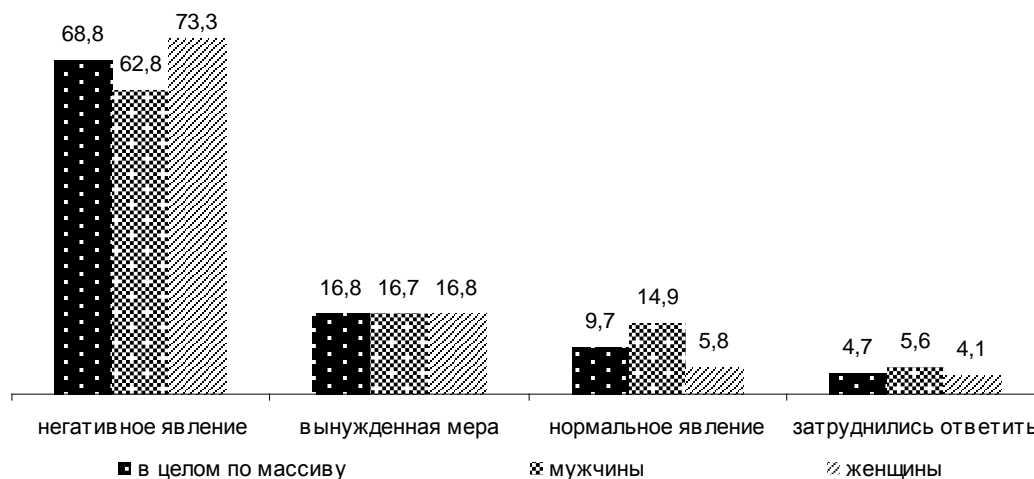

Рис. 1. Отношение респондентов к коррупции, % от числа ответивших

Респонденты, как показывает исследование, не делают различий между уровнем взяточничества в нашем регионе и иных субъектах Российской Федерации. Так, более половины всех опрошенных заявили, что масштабы коррупции в Ивановской области такие же, как и в других регионах России (рис. 2). Женщины в этом случае настроены критичнее мужчин: только 5,5 % представителей данной гендерной группы считают, что уровень коррупции в регионе ниже, чем в целом по стране. Среди мужчин таких оказалось в 2,2 раза больше ($p \leq 0,01$).

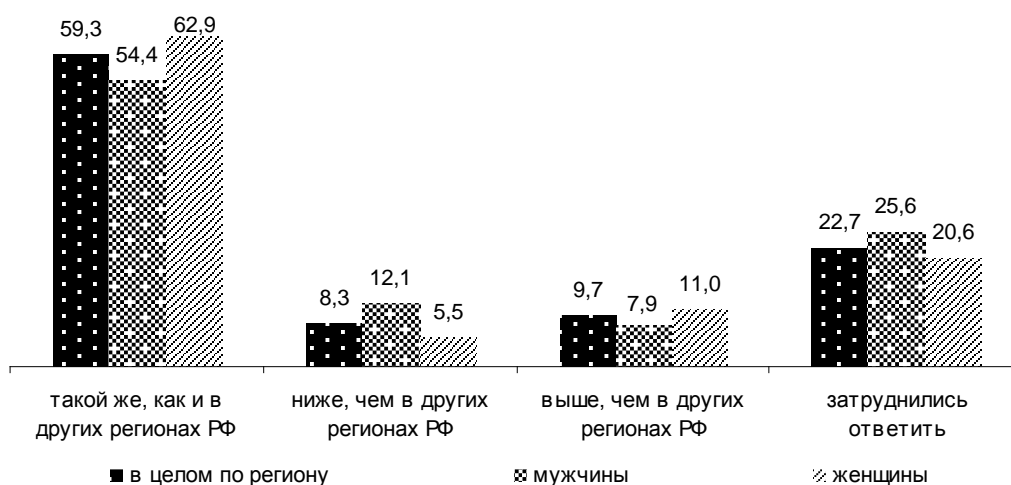

Рис. 2. Субъективные оценки респондентами уровня коррупции в Ивановской области, % от числа ответивших

По данным проведенного нами t-теста, к числу наиболее коррумпированных социально-экономических институтов жители Ивановской области отнесли ГИБДД (средняя оценка степени взяточничества — 4,44 балла из 5 возможных) (табл. 1). Вторую строчку делят образование и военная сфера (4,10 и 4,05 пункта соответственно). На третьей позиции находятся система здравоохранения и правоохранительные органы (милиция) (3,95 и 3,81 балла).

Таблица 1

Субъективные оценки респондентами степени распространения коррупции в различных сферах, баллы

Сферы	В целом по региону	Мужчины	Женщины
ГИБДД	4,44	4,49	4,41
Образование	4,10	4,18	4,04
Военная сфера	4,05	3,98	4,10
Здравоохранение	3,95	3,77	4,13
Правоохранительные органы	3,81	3,72	3,88
Службы регистрации прав собственности	3,59	3,68	3,52
Суд, прокуратура	3,61	3,37	3,77
Сфера занятости	3,49	3,32	3,60
Налоговые службы	3,34	3,27	3,40
Коммунальные службы	3,08	3,24	2,95
Паспортные столы, ОВИР	2,93	3,11	2,82
Социальные службы	2,55	2,87	2,35

Применение процедуры одномерного дисперсионного анализа (One-way ANOVA) показало, что в зависимости от возраста и уровня доходов респондентов статистически значимых различий в оценках ими уровня взяточничества в тех или иных сферах не наблюдается ($p \geq 0,10$). Что же касается переменной «пол», то здесь, напротив, имеются существенные различия. Женщины оценивают степень коррумпированности медицинских учреждений и служб, занимающихся трудоустройством граждан, выше, чем мужчины ($p \leq 0,01$).

Как показывают результаты исследования, около 60 % респондентов хотя бы раз в жизни попадали в коррупционную ситуацию, причем женщинам это приходилось делать гораздо реже (табл. 2).

Таблица 2

Показатели охвата коррупцией, % от числа ответивших

Показатели	В целом по региону	Мужчины	Женщины	Разность показателей
Приходилось когда-либо давать взятку	57,3	62,3	53,6	8,7*
Никогда не приходилось давать взятку	42,7	37,7	46,4	8,7*

* $p \leq 0,10$

Доля тех, кому пришлось дать взятку в 2008 г., среди женщин меньше по сравнению с мужчинами на 10 % (табл. 3).

Таблица 3

Спрос на коррупцию, % от числа ответивших

Показатели	В целом по региону	Мужчины	Женщины	Разность показателей
Приходилось давать взятку в 2008 г.	38,9	44,7	34,7	10,0*
Не приходилось давать взятку в 2008 г.	61,1	55,3	65,3	10,0*

* $p \leq 0,001$

Кроме того, мужчинам приходится чаще сталкиваться с вымогательством взятки со стороны государственных служащих. Более 42 % опрошенных мужчин заявили, что им приходилось попадать в такую ситуацию и испытывать на себе коррупционное давление чиновников. Напротив, в группе женщин только около 36 % оказывались в подобной ситуации (табл. 4).

Таблица 4

Риск коррупции, % от числа ответивших

Показатели	В целом по региону	Мужчины	Женщины	Разность показателей
Сталкивались с вымогательством взятки	38,5	42,3	35,7	6,6*
Не сталкивались с вымогательством взятки	61,5	57,7	64,3	6,6*

* $p \leq 0,05$

Судя по полученным данным, мужчины намного чаще дают взятку и сталкиваются с ее вымогательством со стороны следующих должностных лиц:

— сотрудников дорожно-патрульной службы. Это, по-видимому, действительно так, если учесть объективно больший процент водителей среди мужчин, менее аккуратный стиль вождения по сравнению с женщинами, а также вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. Последнее, кстати, согласно оперативным сводкам ГИБДД, практически отсутствует у женщин. Все это создает предпосылки для получения водителями-мужчинами различных штрафов, вплоть до лишения водительских прав, от чего многие предпочитают откупиться;

— представителей правоохранительных органов. Это, возможно, связано с существенно большей долей потенциальных делинквентов среди мужчин, нежели среди женщин;

— служащих военкоматов. На наш взгляд, это объясняется в первую очередь гендерной спецификой контингента призываемых на срочную воинскую службу. Следует отметить также, что в данной сфере коррупционный

спрос со стороны потенциальных «уклонистов» реально выше предложения такого вида услуги.

Спрос на коррупционные услуги со стороны респондентов-женщин в целом значительно ниже, чем со стороны мужчин. Однако, в отличие от мужчин, женщины намного чаще подвергаются вымогательству взяток в коммунальных службах и сфере образования.

Эта ситуация напрямую связана с детскими садами и общеобразовательными школами, и в частности с устройством детей в дошкольные учреждения в обход общей очереди. Несмотря на то что в Иванове распределение мест сегодня проходит исключительно через Управление образования, заведующие, как следует из наших материалов, продолжают брать деньги или иные материальные ценности с родителей, шантажируя их будущим недоброжелательным отношением воспитателей к детям. В случае с общеобразовательными школами имеют место всевозможные поборы с родителей, к которым добавились еще и «взносы» за успешную сдачу ЕГЭ.

Основные выводы

Результаты проведенных нами исследований позволяют прийти к следующим заключениям.

Прежде всего, женщины более нетерпимы к коррупционным проявлениям, нежели мужчины. Они критичнее оценивают и общий уровень взяточничества в нашем регионе.

Кроме того, мужчины чаще сталкиваются с проявлениями коррупции, когда имеют дело с сотрудниками Госавтоинспекции, при обращении в правоохранительные органы и военкоматы. Женщины попадают в подобную ситуацию при общении с коммунальными службами и должностными лицами в сфере образования.

Наконец, по сравнению с мужчинами женщины существенно реже дают взятки, что хорошо согласуется с результатами исследований, проведенных в США и ряде европейских стран. Однако мужчины больше подвержены риску попадания в коррупционную ситуацию и чаще сталкиваются с вымогательством взятки со стороны государственных служащих.

Библиографический список

1. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы : пер. с англ. М. : Весь мир, 2001. 408 с.
2. Диагностика российской коррупции. URL: <http://www.anti-corr.ru/awbreport/index.html> (дата обращения: 12.11.2008).
3. Добреньков В. И., Исправникова Н. Р. Коррупция: Современные подходы к исследованию : учеб. пособие для вузов. М. : Академический проект ; Альма-матер, 2009. 207 с.
4. Жилина И. Коррупция и экономика // Проблемы развития народного хозяйства России. 2005. № 2. С. 12—28.
5. Кирик Е. С. Моделирование и оптимизация робастных оценок функций по наблюдениям // Вычислительные технологии. 2001. № 6. С. 351—355.

6. *Кирпичников А.* Взятка и коррупция в России. СПб. : Альфа, 2007. 351 с.
7. *Максимов С.* Коррупция. Закон. Ответственность. М. : ЮрИнфоР, 2006. 255 с.
8. Объем взяток в России более чем в 2,5 раза превысил бюджет. URL: <http://www.nr2.ru/center/33190.html> (дата обращения: 08.11.2008).
9. Россия лишилась частичной свободы. URL: <http://www.kommersant.ru/doc> (дата обращения: 08.11.2008).
10. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2003. 356 с.
11. Самые экономически свободные страны. URL: <http://www.businessman.ru> (дата обращения: 12.11.2008).
12. *Сатаров Г.А.* Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах // Вестн. общественного мнения. 2006. № 3. С. 25—32.
13. Сохраняющийся уровень коррупции в странах с низкими доходами требует действий со стороны международного сообщества. URL: http://transparency.org.ru/doc/1RUS_CPI_2007_ful_01000_235.pdf (дата обращения: 13.07.2009).
14. *Swamy A., Knack S., Lee Y.* Gender and Corruption // J. of Development Economics. 2001. Vol. 64, № 1. P. 25—55.

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 63.3(4)62 — 284.3

Д. А. Смирнов

МУЖЧИНА «НЕИСТОЩИМОГО ТЕРПЕНИЯ» И ЕГО АНГЕЛЫ В ЖЕНСКОМ ОБЛИЧЬЕ: ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН О ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Книги и девки сильно омолаживают.
Вальтер Беньямин

Представления Вальтера Беньямина (1892—1940) о положении женщины в условиях товарного хозяйства и прежде всего его оценка проблемы проституции в контексте формирования капитализма, анализ которых был дан нами в одной из наших предыдущих работ [2], не ограничивают взгляды известного немецкого мыслителя по гендерному вопросу и не определяют многообразие его отношений с женщинами. Об этом позволяет говорить даже обретшая уже определенную степень легендарности история любовной связи Беньямина и Аси (она же Анна) Лацис, ради встречи с которой он специально приехал в Москву в декабре 1926 г., в столицу едва оправившейся от революции и гражданской войны страны, заявлявшей о себе как о «новом мире».

Впрочем и разноплановость многих событий, связанных с этой поездкой, рассказ о которых представлен в «Московском дневнике» Беньямина, не позволяет видеть его отношения с Лацис единственно определяющими его поездку в Москву. Побудительные мотивы, а также перемены, произошедшие в жизни мыслителя после знакомства со столицей «нового мира», не могут быть однозначно объяснены динамикой его сложных отношений с Лацис.

Колоритная личная жизнь Беньямина, всегда находившаяся в тесной связи с научной деятельностью, выходит далеко за рамки истории его любовной связи с Лацис. Критический метод, который требовал использовать в научной работе сам Беньямин, «глядя историю против шерсти», заставляет пристально взглянуть и на его отношения с женщинами. Это позволяет увидеть глубину их

влияния на формирование конкретных научных представлений Бенямина о месте женщины в обществе, политике и истории, а также понять степень их воздействия на изменения в идейном мире Бенямина в целом.

«Московский дневник», вобравший в себя большую часть впечатлений Бенямина о Советской России, на сегодняшний день сформировал во многом искаженный образ частной жизни мыслителя. Это относится прежде всего к отечественной историографии. Основу этого образа составляет история драматических отношений Вальтера и Аси, безответной любви немецкого интеллектуала к «большевичке из Риги». Сохранению такого образа способствует то, что значительная часть материалов личной жизни Бенямина, прежде всего письма, не издана на русском языке и потому неизвестна в России. Поэтому в отечественной историографии отсутствует документальная база для критики этого мифологизированного под влиянием «Московского дневника» образа Бенямина и для детального изучения роли женщин в частной жизни и научной работе мыслителя. Впрочем, и в западной историографии многие десятилетия история отношений Бенямина с отдельными женщинами и их место в жизни мыслителя были почти неизвестны. Их имена, национальности и род занятий формировали область догадок для его современников и исследователей.

Между тем необходимость критического подхода в России к оценке роли женщин в жизни Бенямина для понимания его идей доказывают такие факты, как история семейной жизни мыслителя и его знакомства с известными женщинами своего времени, к примеру, с Ханной Арендт, Гретель Адорно, Гизелой Фройд, Адриенной Монье, Сильвией Бич, Маргарет Штеффин, Анной Зегерс, Еленой Вайгель, Хильдой Бенямин. Эти знакомства способствовали формированию его материального и духовного мира, а также нашли отражение в жизни женщин, входивших в круг его общения.

Среди вопросов, решение которых Бенямин искал во время общения с представительницами своего времени, была социально-философская проблема места женщины в жизни мужчины, осмысленная им в историческом контексте. При этом круг знакомств, повлиявших на формирование представлений Бенямина о данной проблеме, был совершенно конкретен. Принципиальные изменения в оценке места женщины в жизни мужчины происходили у Бенямина на фоне проблем семейной жизни с Дорой Софи Поллак, в результате безответной любви к Юле Кон и под влиянием отношений с Асей Лацис. Женщины стали восприниматься им именно как отдельные образы, вне стремления овладеть ими и вне своих семей. Сформировавшееся у него представление о самодостаточности женщин помогало ему оправдывать ограниченность собственных возможностей заботиться о них и создавать домашний очаг типичного буржуа. Фланерство и семейные связи оказались в свете этого несовместимыми, что Бенямин и доказал в своих текстах в 30-е гг., где рассматривалась проблема фланера.

Отдельные штрихи такого решения проблемы места женщины в жизни мужчины предлагались Бенямином в его различных работах и дневниковых записях на протяжении 20-х гг., когда и проходило развитие активной стадии его отношений с Дорой, Юлой и Асей. Но в концентрированном виде рассуждения по этому поводу можно найти в его работах и архивных материалах начала 30-х гг., времени в его биографии довольно драматического, отразившего

не только проблемы личной жизни, но и критические моменты политической, социальной, экономической истории этой эпохи.

Чрезвычайно активная жизнь Беньямина не позволяет однозначно определить момент, ставший поворотным в его осмыслении проблемы места женщины в жизни мужчины. Однако, как это часто происходит, он оказался связанным с обычной дружеской беседой, в ходе которой Беньямин обозначил некоторые штрихи нового философского образа отношений мужчины и женщины, взглянув на проблему в контексте собственной личной жизни.

Дневниковые записи, относящиеся к маю — июню 1931 г., содержат пересказ беседы Беньямина с коллегами Эгоном и Гертой Виссингами, у которых он гостил в то время, предметом которой стали его любовные опыты: «Мне первый раз в ходе этого разговора стало ясно, что каждый раз, когда большая любовь овладевала мной, я так основательно и сильно менялся, что был очень удивлен необходимостью сказать себе: мужчина, который говорил такие невероятные вещи и воспринимал подобное непредвиденное поведение, был я. Это основано на том, что настоящая любовь делает меня похожим на любимую женщину, и я радовался, как это настойчиво утверждала Герта, тому что, конечно, она представляла это как действительно характерное для женской любви. Наиболее мощным было превращение в похожее — такое необходимое, что действительно обеспечивается в церковном понимании через таинство брака, так как ничто не делает людей более похожими друг на друга, чем жизнь друг с другом в браке. Короче, наиболее сильным был этот опыт в моей связи с Асей, так что я впервые многое в себе открыл. Но в целом три больших любовных переживания моей жизни определяют это не только со стороны ее течения, периодизации, но и со стороны пережитого. Я узнал трех разных женщин в жизни и трех разных мужчин в себе. Писать мою историю жизни — значит представлять сооружение и разрушение этих трех мужчин и компромисс между ними. Можно было бы сказать также: триумвират, который представляет сейчас моя жизнь» [12, S. 427]. В «трех больших любовных переживаниях» жизни Беньямина ясно просматриваются его отношения с Дорой, Юлой и Асей, хотя мотив «души трех других женщин» встречался у Беньямина много раньше в 1914 г. в размышлениях об отношениях с Гретой Радт, еще одной, четвертой на тот момент [6, S. 245].

Знакомство Вальтера с Дорой произошло в далеком 1914 г. еще на фоне развития любовных отношений у каждого из них. Она была тогда замужем, а он обручен с Гретой, но тем не менее уже в 1917 г. Вальтер и Дора поженились. Однако спустя несколько лет с обеих сторон наступило охлаждение. И фактически отдельная жизнь, а затем развод Вальтера и Доры были обусловлены прежде всего отрицанием традиционной семьи, в рамках которой молодожены, несмотря на рождение сына, не стремились оставаться.

По замечанию друга Беньямина, известного философа и теолога Гершона Шолема, впоследствии много внимания уделявшего сохранению его идейного наследия, брак Вальтера уже «...весной 1921 года оказался в разрушительном кризисе, имевшем для жизни Беньямина роковые последствия. После новой встречи он страстно увлекся молодой художницей, сестрой друга своей молодости, Юлой Кон. Любовь осталась безответной, однако долгие годы она была

как бы неназванным средоточием его жизни» [3, с. 189]*. При этом бывшие супруги сохраняли дружеские отношения в течение 30-х гг., когда Дора, занимавшаяся публицистикой и переводами, даже помогала Вальтеру материально. В 1941 г., уже после ухода Бенямина из жизни, она писала Шолему: «Смерть Вальтера оставила вакуум, который, однако, в будущем медленно поглотит все мои надежды и желания» [18, S. 91].

Неприятие традиционных семейных ценностей, выразившееся в отказе от семейной жизни, стало для Бенямина продолжением борьбы с нормами капиталистического общества. Воплощением этой борьбы была для него Юла Кон, с которой он познакомился еще в 1912 г. Впрочем, в 1921 г. она отвергла Вальтера и вышла замуж за его хорошего знакомого, ученого-химика Фрица Радта. В дальнейшем молодые супруги сохраняли хорошие отношения с Бенямином. Он, в свою очередь, спустя десять лет, именно в период тяжелой депрессии вспомнил именно о Юле Кон. Доказательство этому можно найти в нескольких его опубликованных работах и рукописях, относящихся ко времени пребывания Бенямина на Ибнице в 1932 г. В одном случае Юла присутствует в зарисовке «Первый сон» из «Ибицевской серии», в другом — этот же сюжет с ней как с «подругой» позволяет Бенямину сделать набросок своего рисунка «любовника» в коллекции «Автопортретов видящего сны». И наконец, дневниковые заметки «Испания 1932 года» сопровождает «еще один сон (в Берлине, некоторое время перед поездкой)» о Юле, почти дословно повторяющий «первый».

Основу сюжета составляет сон о «чем-то среднем между горным путешествием и прогулкой» с Юлой на вершину, которая оказалась горным плато, украшенным «широкой улицей со старинными и довольно высокими домами по обе стороны», где они сели в машину, чтобы спуститься вниз, и Вальтер «наклонился к Юле, чтобы ее поцеловать»: «Она дала мне не уста, а щеку. И в то время, когда ее целовал, я заметил, что эта щека была из слоновой кости и всю ее заполняли черные, искусно выделанные шпателем бороздки, которые захватили меня своей красотой» [11, S. 404].

Разрыв с нормами капиталистического общества, включая нормы семейных отношений, сопровождался у Бенямина поиском новых форм общения с женщинами, которые соответствовали «новому миру», приходившему на смену капитализму. Она концентрировала энергию этого мира, передавала ему ее. Это Вальтер ярко представил в зарисовке «Оружие и боеприпасы», вошедшей в его самый известный сборник малой прозы «Улица с односторонним движением», названной, как следует из эпитафии, именем «инженера, который проложил ее в авторе», именем Аси Лацис, где он рассказал о незванном визите к Лацис в 1925 г.: «Чтобы посетить подругу, я побывал в Риге. Ее дом, город,

---

* Статья Гершома Шолема была предпослана эссе «Agesilaus Santander» Бенямина и представляла, по сути, его собственный комментарий к нему. К сожалению, у нас нет немецкого оригинала этой публикации Шолема и мы обращаемся к ее русскому переводу, представленному в журнале «Иностранная литература», где текст эссе фактически объединяет два известных на сегодняшний день варианта «Agesilaus Santander». В связи с этим нет возможности сказать, лично ли Шолем объединил для своей публикации варианты «Agesilaus Santander», опубликованные в Собрании сочинений Бенямина, или же это является результатом работы его редакторов.

улица были мне незнакомы. Никто не ждал меня, я не был ни с кем знаком. Два часа я шел один по улицам. Так я ее и не увидел снова. Из двери каждого дома вырывался свет пламени лампы, искрился каждый камень на углу и каждый трамвай подъезжал как пожарная команда. Она могла бы выйти из ворот, завернуть за угол и сесть в трамвай. Но из нас двоих я должен был любой ценой стать первым, кто увидит другого. Поскольку она бросила бы на меня фитиль своего взгляда, я должен был бы взлететь как склад боеприпасов» [10, S. 110].

Ася привлекала его все сильнее и в 1926 г. он отправился в Москву: формально для знакомства с «новым миром». Беньямин намеревался открыть свои чувства Лацис, ставшей для него женским олицетворением этого мира. Однако поразившая его за несколько лет до этого Ася встретила Вальтера довольно прохладно.

Она получала наслаждение от того, что влюбленный в нее мужчина готов отказаться от своих идей, а главное от свободы воспринимать новые идеи в обмен на ее согласие связать с ним свою жизнь, посвятив ее борьбе за строительство коммунизма. Но Ася не давала согласие. По воспоминаниям знакомых с ее дочерью Дагмарой, та рассказывала, как ее мать довольно негативно отзывалась о Беньямине. Дагмара говорила, «...что он был влюблен в ее маму, что мама издевалась над ним за его спиной еще больше, чем в глаза. Она, например, уверена, что мать никогда в близкие отношения с Беньямином не вступала не потому, что ей это было трудно из-за Райха. Анна как-то сказала: “Всякое было, но с ним [Вальтером Беньямином] не спала, сама не знаю почему”». По воспоминаниям современников, Лацис его «по-настоящему не оценила, потому что его духовным миром не интересовалась. Она ценила его отношение к ней, то, что он ее идеализировал» [1, с. 171].

Беньямин чувствовал это, не понимал ее поведение и глубоко переживал, что нашло отражение в «Московском дневнике». По-видимому, все это в определенной мере обусловило и его отказ от вступления в компартию, по поводу чего он много размышлял в Москве. В 1929 г. Ася приехала в Берлин для работы в посольстве. Это ускорило развод Вальтера с Дорой, но не смогло помочь ему удержать Асю.

Спустя год она вернулась в Москву, а Беньямин предпочел судьбу фланера и в интеллектуальной деятельности, и в личной жизни. Не только семейная жизнь, но и весь комплекс сексуальных отношений находятся для фланера под большим вопросом, как это представлено в концепции мыслителя. И Беньямин доказывал это своей личной жизнью. По словам Шолема, проблемы Беньямина в отношениях с женщинами были вызваны тем, что они в общении с ним каждый раз вынуждены были преодолевать воздействие явно более сильной интеллектуальной стороны личности и не видели в нем только мужчину: «Дора, которая была очень чувственной женщиной, говорила, что его духовность мешала его Эросу. Освобождение из его духовного мира, которым она еще долго оставалась охваченной, очень тяжело далось ей и вызвало полный переворот в ее жизни. Я говорил позже еще с несколькими женщинами, которые очень хорошо знали Беньямина лично, одной из них он сделал предложение в 1932 г. Все они подчеркивали, что Беньямин не притягивал их как мужчина, но какое сильное впечатление или даже восхищение оставили у них его ум и беседы с

ним. Одна из его близких знакомых говорила мне, что он вовсе не существовал для нее и ее подруг как мужчина, им вообще не приходила мысль, что в нем имеется такое измерение: «Вальтер был, так сказать, нетелесный» [17, S. 122].

Итог своих отношений с «тремя разными женщинами» — Дорой, Юлой, Асей Бенъямин попытался подвести во время беседы с Виссингами в 1931 г. Но лишь спустя несколько лет Бенъямин представил более глубокое перспективное понимание особенностей истории своих любовных связей, очевидно в том числе под влиянием впечатлений от окружавших его кризисных тенденций в политической, социальной и экономической жизни. Это понимание может рассматриваться как преодоление проблем в общении с женщинами, осмысленное философски в свойственном ему, по словам Шолема, «сочетании редкой проникновенности мысли, дара ее диалектической остроты со склонностью к фантастическим теориям» [3, с. 186].

Приступая в своем очерке «Вальтер Бенъямин и его ангел» к объяснению «в высшей степени герметичного текста» мыслителя «Agesilaus Santander», Шолем подчеркивает прямую связь сюжета эссе «Agesilaus Santander» с сюжетом картины «Angelus Novus» Пауля Клее, под влиянием которой Бенъямин находился на протяжении нескольких десятилетий, что нашло отражение во многих его текстах [3, с. 187]. Название эссе, к тому же известного в двух редакциях, по мнению Шолема, составившего из них для своей публикации единый текст, является анаграммой Angelus Satanas, а представленная в нем история явного и тайного имен, которые по еврейской традиции были даны Бенъямину при рождении, позволяет ему раскрыть сюжет о двух ангелах, сопровождавших мыслителя по жизни, как это принято у благочестивых евреев, с момента возмужания, когда они узнают свое второе, тайное имя. Однако, раскрывая сюжет, Бенъямин делает оговорку, определяющую дальнейшие рассуждения мыслителя о роли женщин в его судьбе: «Но так как это возмужание в жизни может случиться больше одного раза и, возможно, тайное имя остается одинаковым и неизменным только у благочестивых, то тому, кто не является им, перемена его может вдруг открыться с новым возмужанием. Так у меня. Поэтому оно остается ничуть не менее значительным именем, которое теснейшим образом связывает жизненные силы и которое нужно оберегать от непосвященных» [9, S. 522].

Критичность к своему благочестию и в то же время уверенность, что каждый раз, обретая имя, он будет сохранять почтение к новому, измененному имени, к новому избранному пути, словно отражают отношение Бенъямина к своей жизни на разных этапах и в разных ее проявлениях, включая частную жизнь и общение с женщинами. Каждая из них тесно связана с отдельным этапом его жизни, который олицетворяет измененное имя. Бенъямин признает, что достаточно долго не осознавал особенности происходивших перемен, проявлявших себя в том числе в его имени и, естественно, в имени его любимых женщин. Теперь он подчеркивает: «Это имя — ни в коей мере не обогащение того, кого оно называет. Напротив, от образа его многое отпадает, когда оно прозвучит. Прежде всего оно утрачивает свой дар являться похожим на человека». Таким он видел Нового Ангела, размышления по поводу которого встречаются во многих его работах, а собственно образ ангела словно олице-

творяет его неосуществленную попытку обрести новое, ангельское, обличье: «В комнате, где я жил в Берлине, тот, прежде чем явился на свет из моего имени, снаряженный и озаренный, прикрепил на стену свое изображение: Новый Ангел... Таким ангелом Новый и выдал себя, прежде чем захотел назвать себя» [9, S. 522]. Это был идеал, к которому стремился Беньямин, полагая, что может быть похожим на него и устанавливая тем самым, что ангел похож на человека. Но этот образ ангела был лишь тем, каким его хотел увидеть человек, а не прямым изображением женщины.

Потому Беньямин признает, что брал на себя слишком большую ответственность, отказывая ангелу в критике, и даже «опасается», что «неприлично долго лишал его гимнов», которые он обычно поет Господу, уходя затем в небытие. Другими словами, он признает, что ему не хватало критического отношения к самому себе. Затем мыслитель соглашается, что ангел ему «отплатил за это»: «Воспользовавшись именно тем, что я пришел в мир под знаком Сатурна, светила самого медленного в обращении, планеты окольных путей и отсрочек, он — и притом по самому кружному и гибельному пути — послал свое женское обличье вдогонку мужскому изображению, хотя оба они, пусть и не зная друг о друге, были однажды самыми близкими соседями» [9, S. 522].

Именно это женское обличье Шолем рассматривает как воплощение «многозначной анаграммы» *Angelus Satanus*. Так Сатана, по его мнению, обнаружил свою истинную сущность [3, с. 189]. Но доказательств того, что у Беньямина это именно Сатана, Шолем приводит недостаточно. Все строится на его уверенности, что в тексте на самом деле *Angelus Novus* выступает не подлинным именем, а подлинное имя ангела становится известно вместе с его женским обликом. Так оно выступает противоположностью мужскому. И если «мужской» *Angelus Novus* поет гимны Господу, то противоположность не может их петь, а таковым является только Сатана: «Явившись Беньямину в облике мужчины на картине Пауля Клее, он, чтобы свести с Беньямином счеты, послал ему вдогонку свой женский облик в земном воплощении любимой женщины. И послал, разумеется, не прямо, как исполнение большой любви, а “по самому кружному и гибельному пути”, что намекает на тяжелейшее и ставшее роковым для Беньямина стечение обстоятельств, в которое завела его так и не сбывшаяся, по сути, связь...» [3, с. 189].

Шолем прямо говорит: «Ангел — и в этом он истинный Люцифер — хотел уничтожить Беньямина своим “женским обличьем” и любовью» [3, с. 190]. Фоном представленного в тексте Беньямина сюжета Шолем рассматривает его связь с Юлой Кон: «Когда Беньямин приобрел картину Клее, он как раз находился в плену этой любви, благодаря которой, как представлено в набросках, ему — через посредство картины Клее — открылось его новое имя» [3, с. 190].

Человек, по мысли Беньямина, если он не благочестивый еврей, меняет свое имя как внутреннюю суть, и женщина часто олицетворяет эту перемену. В свете этого категоричная расшифровка Шолемом анаграммы как *Angelus Satanus* представляется категоричной, поскольку отношения с каждой из женщин, оказавших в разной степени влияние на жизнь Беньямина, не позволяют судить, что это был опыт сатанинского общения. Скрытую в названии «*Agesilaus Santander*» анаграмму можно расшифровать как *Angelus Secundus*, Второй Ангел.

Беньямин, представляя в ангельском облике женщину, нигде не указывает на негативные стороны ангела. Напротив, он «опасается», что «лишал ангела гимнов», брал на себя такую ответственность определять, кто может петь, а кто нет во славу Господа. Другими словами, явленный ангельский образ показал Беньямину, что не он определяет это. В свою очередь, «когти и острые, как нож, крылья», которые, по словам Шолема, также имеет только Сатана, в эссе Беньямина даны не явленному автору ангелу, а именно Angelus Novus, пусть и с не подлинным, по словам Шолема, именем, «чья единственная роль — пропеть гимн перед Господним престолом» [3, с. 189]. К тому же у мужчины «неистощимого терпения» «крылья терпения» также «походят на крылья ангела», посланного ему [9, S. 522].

Шодем обоснованно предполагает, что в сюжете «Agesilaus Santander» отражаются конкретные страницы личной жизни Беньямина. По его мнению, формулировка второй редакции позволяет иметь в виду вполне определенных женщин, которые обладали пленительной властью над Беньямином: «Она может относиться к обеим женщинам, игравшим в его жизни — после распада брака — решающую роль: к “женскому облику” ангела в лице Юлы Кон и в лице Аси Лацис, которая с 1924 до 1930 г. оказывала на него огромное воздействие (в особенности повлияв на его обращение к революционным идеям) и которую он не сумел завлечь к себе в плен точно так же, как более раннюю — и отчасти одновременную с этой — большую любовь» [3, с. 190].

Однако уже редакторы Собрания сочинений мыслителя обращали внимание на «новую любовь, которую Беньямин испытал летом 1933 г. на Ибице», не указывая впрочем ее имени, лишь приводя несколько писем, адресованных «юной голландке, художнице и переводчице», которую, по их мнению, Шодем в одном из своих писем 1934 г. ошибочно называет «француженкой» [7, S. 809]. Впрочем, авторы Benjamin-Handbuch считают, что даже спустя десятилетия, в момент работы над комментарием, Шодем не знал многих обстоятельств личной жизни Беньямина, повлиявших на создание «Agesilaus Santander» в 1933 г. [16, S. 670]. Однозначно соединять работы начала 30-х гг. с событиями начала 20-х гг., как это делает Шодем, в контексте столь динамичной биографии Беньямина представляется неоправданным.

Указывая имена Доры, Юлы, Аси, можно согласиться с мнением Шолема о причинах кризиса в частной жизни Беньямина в начале 30-х гг. Именно проблемы в отношениях с этими женщинами Шодем считает мотивом для написания эссе. Однако размышления самого Беньямина о трех женщинах относятся к 1931 г., а эссе было создано в 1933 г. Насыщенная событиями частная жизнь Беньямина требует более детального изучения обстоятельств создания его текстов. В связи с этим можно вспомнить, например, об одном из мотивов его несостоявшегося самоубийства в 1932 г. — об отказе Олы Парем выйти за него замуж.

Беньямин проводил с ней свое сорокалетие на Ибице, и Ола Парем стала в тот момент для него последней возможностью удержать ускользающий мир определенностей, не только социальных, политических и даже экономических, поскольку происходило это во время Великой депрессии, но и определенностей в отношениях с женщинами, когда либо «да», либо «нет». Но Парем ответила отказом, что среди прочего и привело его к планированию самоубийства и да-

же к подготовке прощальных писем друзьям. В одном из них как раз отсутствие «жизни с женщиной или определенно четкой работы» [14, S. 118] он называет причиной своего решения покончить с собой. Однако Беньямин смог тогда остановиться в последний момент и преодолел депрессию от потери мира определенностей.

Женщиной, сыгравшей действительно главную роль в появлении «Agesilaus Santander» и, возможно, ставшей в тот момент Angelus Secundus Беньямина для движения в другом направлении, была Анна Мария Блаупо тен Кате. Ей он и посвятил эссе ко дню ее рождения, а потому много пишет в эссе на тему подарка [16, S. 670]. В ее лице он открыл новый тип женщины и потому ради сохранения отношений с женщинами такого типа выразил готовность быть сильным в ожидании. Он «неожиданно решил затаиться на ее жизненном пути и дожидаться, пока она больная, постаревшая, в изношенных одеждах сама не упадет ему в объятия. Короче говоря, ничто не могло истощить терпение мужчины. И крылья этого терпения были похожи на крылья ангела в том, что всего нескольких взмахов ими хватало, чтобы долго сохранять неподвижность перед лицом того, с кем решил больше не расставаться» [9, S. 522—523]. Интересно, что в первой редакции Беньямин пишет более конкретно: «Перед лицом той, которую они [крылья терпения] решили ждать» [8, S. 521].

Объяснение тому, почему ангел явился именно ему, Беньямин видит в том, что никому не превзойти его в дарении, напоминая, какое событие помогло ему проявить себя при написании эссе: «Да, возможно, ангел был привлечен дарящим, который остается пустым. Потому что и сам он, имеющий когти и острые, как нож, крылья, не собирается наброситься на того, кого он увидел. Он внимательно смотрит на него — долго, долго, потом порывисто, но непременно отступает назад» [9, S. 523].

Так, по мысли Беньямина, ангел достигает счастья, которого искал и сам автор эссе, а именно «...противоборства, в котором лежит восторг неповторимого, нового, еще не прожитого с тем самым блаженством повторения, обретенного вновь, прожитого. Поэтому он не может надеяться на новое ни на каком ином пути, кроме возвращения домой, когда он ведет с собой нового человека. Так и я, едва увидев тебя впервые, отправился с тобою назад, туда, откуда пришел» [9, S. 523].

Ко времени встречи с Беньямином на Ибике летом 1933 г. Анна Мария побывала весной в становившейся нацистской Германии, где была свидетельницей акций по сожжению книг, а затем проехала по фашистской Италии [15]. Ее впечатления и его переживания по поводу политических перемен в Европе могли еще больше их сблизить. Сегодня об этой любовной связи свидетельствуют четыре наброска писем Вальтера и два его стихотворения, адресованных Анне Марии. Первое письмо было написано Беньямином в середине августа, когда он целый час сидел один на террасе с мыслями о Ней, ничего не изучал и не открывал, но думал о многом: «Ты полностью заполнила сумрак, и где огни в Сан-Антонио, там была Ты». Он замечает, что если он любил, то это была женщина «естественно лучшая, и даже единственная», но он знал, что если отрекался от нее ради другой, то «та, которую любил, была и оставалась единственной». Любовь к Анне Марии, по словам Вальтера, «другая»: «Ты то, что я в

женщине мог бы любить: Ты не имеешь это, Ты скорее есть это. Из твоих черт проступает все, что делает женщину хранительницей, матерью, шлюхой. Ты превращаешь одно в другое и каждому даешь тысячу обличей. В твоей руке судьба навсегда бы перестала мне выходить навстречу. Она не смогла бы меня больше удивить никаким ужасом и никаким счастьем. Необычайная тишина вокруг Тебя намекает мне, как далеко Ты от того, что ясно домогается Тебя. В этой тишине происходит превращение обличей Твоей души. Они играют друг в друге, как волны / Шлюха и сивилла утысячествленные» [5, S. 279].

Это письмо стало наиболее ярким свидетельством любви Вальтера к Анне Марии. Остальные письма носят преимущественно деловой характер. По мотивам первого письма было написано также одно из двух стихотворений Вальтера, адресованных возлюбленной:

Твое слово длится, как твое тело;
твое дыханье на вкус, как камень и металл;
твой взгляд навстречу мне, как шар;
твое молчанье — лучшее времяпровождение.

Как первому мужчине первой женщиной
явилась ты передо мною и везде
тебя встречает моей просьбы эхо
тысячи речей. Она звучит: «Постой».

Непосвященной незнакомкой
ты живешь во мне в самой сердцевине тишины,
где ни тоска, ни сон тебя не околдуют.

И больше ничего не вызовет намеренья и воли,
с тех пор как первый взгляд в тебе распознает
двойную госпожу: и шлюху, и сивиллу.

[4, S. 810—811]

Беньямин дал Блаупо тен Кате прозвище Тоэт (Тоет), что можно перевести с голландского на русский как «лик» (что связывает прозвище с сюжетом эссе, письма и стихотворения), а также как «мордашка». Впрочем, здесь, как считают исследователи, имеет место игра слов, поскольку у прозвища Тоэт есть явное родство со словом *toetje*, переводимым на русский как «десерт».

Однако девушка, в конце концов, не разделила полностью чувства Беньямина. В одном из писем Беньямину от 1934 г. Блаупо тен Кате дала такое объяснение своего отношения к нему: «Я хотела бы, чтобы то, что возникло между нами, обрело бы начало и конец — устоявшись и утвердившись. Это для меня и так уже навсегда — с нашего первого разговора — почему же Вы считали, что это не так и будет не так и не видите, как удивительно хорошо то, что есть» [18, S. 98].

Возможно, эти слова были услышаны Беньямином, и он увидел, «удивительно хорошо то, что есть», поскольку его размышления о месте женщин в жизни мужчины, такого, как он, интеллектуального фланера, стали частью теоретических построений мыслителя по теме фланерства. «Нетелесность» действительно выражала суть его отношений с женщинами в 30-е гг. Можно вспомнить и общение с бывшими возлюбленными, и дружеские контакты с женами его коллег. Яркие примеры — его переписка с Гретель Адорно, а также материальная поддержка его в эмиграции со стороны многих знакомых женщин.

«Нетелесностью» своих отношений с женщинами Беньямин давал им уверенность, что его интерес к ним обусловлен не только сексом и даже далеко не только сексом. Поэтому каждая из них была для него конкретной женщиной, а не одной из представительниц женского пола, лишь функционально привлекающей любого, пусть самого близкого, мужчину. Беньямин был словно собиратель в отношениях с ними, находясь при встрече с каждой из женщин в постоянном поиске подтверждения своего мнения, что «история распадается на образы, а не истории» [13, S. 596], где каждый из образов — женщин — сравним был для него с отдельной книгой. Такая книга создавала, по мысли Беньямина, широкое пространство для интерпретаций у «своего типа мужчин, которые живут за их счет и терзают их», подобно литературным критикам [10, S. 109—110].

Если Анна Мария Блаупо тен Кате позволила Вальтеру Беньямину создать диалектический образ женщины, не просто имеющей отдельные черты, но являющейся одновременно «хранительницей, матерью, шлюхой», в себе «превращающей одно в другое и каждому дающей тысячу обличий», то отношения с ней позволили ему сформировать диалектический образ личного счастья, сочетающего «восторг неповторимого, нового, еще не прожитого с тем самым блаженством повторения, обретенного вновь, прожитого». Вместе с женщиной счастье меняет содержание, имя, заставляя меняться мужчину, но сохраняет ангельское обличье. Беньямин нашел собственный социально-философский ответ на вопрос об отношениях мужчин и женщин, рассмотренных им в исторической перспективе, который стал органичной частью его разноплановой концепции диалектического образа.

Библиографический список

1. *Альчук А.* «Это бы очень украсило мою биографию...»: Любовь и революция в судьбе Аси Лацис, Вальтера Беньямина и Бернхарда Райха // Гендер. исслед. 2008. № 17. С. 170—176.
2. *Смирнов Д. А.* «Женщина как товар»: Вальтер Беньямин о проституции как показателе социального подавления в товарном хозяйстве // Гендерная дискриминация: проблемы, подходы, решения : сб. науч. ст. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 96—107.
3. *Шолем Г.* Вальтер Беньямин и его ангел // Иностран. лит. 1997. № 12. С. 186—192.
4. *Benjamin W.* An [B.] // Benjamin W. Gesammelte Schriften : 7 Bände. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1972—1989. Bd. 6. S. 810—811.
5. An Anna Maria Blaupot ten Cate, San Antonio (Ibiza), ca Mitte August 1933, Entwurf // Benjamin W. Gesammelte Briefe : 6 Bände. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1995—2000. Bd. 4. S. 278—279.
6. An Herbert Blumenthal, Berlin, 17.7. 1914 // Ibid. Bd. 1. S. 245—248.
7. *Benjamin W.* Anmerkungen der Herausgeber // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 6. S. 808—815.
8. *Benjamin W.* Agesilaus Santander. Erste Fassung // Ibid. S. 520—521.
9. *Benjamin W.* Agesilaus Santander. Zweite Fassung // Ibid. S. 521—523.
10. *Benjamin W.* Einbahnstraße // Ibid. Bd. 4. S. 83—148.
11. *Benjamin W.* Ibizenkische Folge. Erster Traum // Ibid. S. 402—409.
12. *Benjamin W.* Mai — Juni 1931 // Ibid. Bd. 6. S. 422—441.

13. *Benjamin W.* Das Passagen-Werk. Aufzeichnungen und Materialien // *Ibid.* Bd. 5. S. 79—989.
14. An Egon und Gert Wissing, Nizza, 27.7.1932 // *Benjamin W.* Gesammelte Briefe. Bd. 4. S. 117—122.
15. *Gerwen W. van.* Angela Nova. Biografische Achtergronden bijj Angesilaus Santander // *Benjamin Journal.* 1997. № 5. S. 92—112.
16. *Schneider M.* Aufzeichnungen // *Benjamin-Handbuch.* Leben—Werk—Wirkung. Stuttgart; Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2006. S. 663—679.
17. *Scholem G.* Walter Benjamin — die Geschichte einer Freundschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1975. 299 S.
18. «... Wie überall hin die Leute verstreut sind ...» Walter Benjamin. Das Adressbuch des Exils 1933 — 1940. Leipzig : Koehler & Amelang CmbH, 2006. 240 S.

ББК 60.561.22

З. З. Мухина

**«ДЕВКА НА ПОРЕ, НЕ УДЕРЖИШЬ НА ДВОРЕ...»
(О девичьей чести в крестьянской среде Центральной
России во второй половине XIX — начале XX в.)**

Вопросы девичьей чести являются предметом дискуссий при всякой попытке дать оценку традиционным ценностям русского крестьянства [11, с. 129]. Эти вопросы, несмотря на то что миновало более века со времен стремительной урбанизации и раннебуржуазной индустриализации России, все еще остаются в кругу обсуждаемых тем.

Отношение к девичьей чести в традиционной русской крестьянской культуре второй половины XIX — начала XX в. долгое время не было предметом отдельного исследования ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Научное изучение этого вопроса — явление постсоветского времени, и здесь имеется широкий спектр «окончательных» выводов. По мнению одних исследователей, добрачные связи девушек были недопустимы или крайне редки (М. М. Громыко [6, с. 96], С. С. Крюкова [8, с. 106]), другие отмечают их распространенность (Ю. И. Семенов [16, с. 41], В. Г. Безгин [3]). Новейшие данные собраны Н. Л. Пушкаревой, отметившей необходимость изучения региональной специфики в отношении к добрачной чистоте девушки [9, 10, 13]. Попытаемся пролить некоторый свет на этот вопрос, исходя из рассмотрения повседневной жизни девушки в центральных губерниях Российской империи.

Девственность рассматривалась там как одно из основных качеств невесты, ее сохранение определялось традиционными установками религиозного и морально-бытового характера. Потеря девственности считалась «срамом», «позором». Такую девушку не брали замуж парни своей деревни, кроме самого

виновника; да и он чаще всего старался избежать женитьбы. Если и удавалось выйти замуж такой девушке, то в чужой далекой деревне, и то, как правило, за вдовца [14, т. 1, с. 181; т. 3, с. 307]. Большое значение придавалось девственности невесты в свадебной обрядности, «несоблюдение невинности до ритуально предписанного момента — вызов всему миропорядку. Не случайно это нарушение, по традиционным представлениям, могло пагубно отразиться в самых разных сферах» [2, с. 72].

Всё, что касается жизни женщины, в том числе добрачных интимных отношений, все точки соприкосновения с внешним миром, все аспекты ее внутреннего мира отнесем к женскому пространству. Оно имеет множество компонентов: функциональные, структурные, символические, предметные, генетические, познавательные, эмоционально-психологические, морально-правовые, мировоззренческие и др. Различные компоненты сложным образом взаимодействуют друг с другом. Мужское пространство по своему устройству подобно женскому, но существенно отличается от него по содержанию составляющих его компонентов.

В традиционном укладе крестьянской жизни область интимных отношений отнюдь не воспринималась как нечто греховное и табуированное, о ней свободно говорилось. В крестьянских семьях взрослые и дети обычно спали в одном помещении, и сексуальная жизнь могла проходить на глазах у детей, дети рано знакомились со строением тела противоположного пола. Имеются сообщения, что до 15 лет дети обоих полов ходили вместе в баню, вместе мылись мужчины и женщины по несколько семей [14, т. 5, ч. 3, с. 202, 296]. Парни и девушки обнаженными вместе переходили реку, купались [там же, с. 726; ч. 2, с. 441—442]. Понятия о мужском и женском пространствах возникали сразу после рождения ребенка, что проявлялось в разных местах зарывания последа мальчика и девочки [4, с. 56].

В отечественной науке сложился определенный стереотип устройства пространства девушек-невест, касающийся интимно-сексуальной области [6, с. 96; 7, с. 341]. Поскольку добрачные отношения девушек считались явлением исключительным, в генетическом компоненте данная область была представлена слабо. Обретение сексуального опыта однозначно связывалось с переходом из пространства девушек-невест в пространство замужних женщин. При этом важное значение приобретал ритуально-символический компонент (свадебные обряды). В пространстве девушки-невесты интимно-сексуальная область присутствовала в функциональном, эмоционально-психологическом, познавательном, нравственно-правовом, мировоззренческом и других компонентах лишь в виде потенции, которая должна была «материализоваться» при переходе в пространство замужних женщин. Таким образом, жизнь крестьянки в интимной сфере выглядела ясной и упорядоченной, «по закону», «без греха».

В действительности пространство девушки-невесты по отношению к интимно-сексуальной сфере было устроено значительно сложнее. Обратимся к свидетельствам из источников. Для сравнения начнем с мужского молодежного пространства: «Между молодежью иногда устанавливается половое общение, но не часто. <...> Парня в этом случае жениться не обязывают, а и стараются склонить к этому, то он чаще отказывается, чем соглашается» (д. Тупицыно Зубцов-

ского уезда Тверской губ.) [14, т. 1, с. 465]; «Обыкновенно очень и очень немногие парни сохраняют целомудрие до свадьбы. Большинство же теряют целомудрие на 16—17 году, а иногда даже и ранее. <...> На потерю парнем целомудрия народ обыкновенно не обращает никакого внимания. “Парень — не девка, — говорят крестьяне, — что же в этом за беда”. <...> Что касается до молодежи, то парень, долго хранящий свое целомудрие, еще пользуется от своих сверстников насмешками: его называют в насмешку “монахом”, “красной девкой” и т. д. Впрочем, на слишком раннюю потерю целомудрия в детском почти возрасте смотрят крайне неблагоприятно. “Еще материно молоко на губах не обсохло, а он по таким делам пошел”, — отзываются в таком случае крестьяне» (с. Рождественское Даниловского уезда Ярославской губ.) [14, т. 2, ч. 2, с. 151].

Вследствие отходничества и распространенным местным обычаям («стояние за углом», «гулянье на лугах», «базарная выставка») у крестьян наблюдалась «легкость нравов» [17, с. 83]. Парни редко сохраняли целомудрие до брака, обычно они его теряли с 16 лет и даже раньше (с. Адуево Медынского уезда Калужской губ.) [14, т. 3, с. 430; 17, с. 78]. «Народный обычай снисходительно относится к случаям половой незаконной связи, считая ее только грехом и даже не особенно большим» [14, т. 3, с. 330].

Парень к внебрачной связи относился гораздо легче, чем девушка [17, с. 78]: «На парней, потерявших целомудрие даже в слишком раннем возрасте, смотрят очень равнодушно и даже более того — поощрительно, особенно, когда ему пришлось потерять его с девственной девушкой. Для самого же парня это служит предметом бахвальства» (с. Сугоново Калужского уезда Калужской губ.) [14, т. 3, с. 305, 328]. По сообщению корреспондента Этнографического бюро (Буйский уезд Костромской губ.) И. М. Воронова, некоторые отцы даже поощряли своих сыновей к ранним связям, усматривая в этом своего рода доблесть. Дочерей старались уберечь только из боязни появления в доме лишнего рта и, кроме того, из-за того, что дочь в этом случае станет труднее выдать замуж [14, т. 2, ч. 1, с. 23]. Есть и другое свидетельство, выпадающее из общего ряда: парни стремились тщательно скрыть свои интимные связи и ни в коем случае ими не хвастались (с. Овсорок Жиздринского уезда Калужской губ.) [14, т. 3, с. 201].

Сексуальный опыт входил в пространство девушки-невесты не только как потенциальная возможность, он был реальностью. «Невоздержанны в женской слабости, и каждая до свадьбы с будущим мужем приживает детей», — сообщалось в ответе на анкету Российского географического общества в 1848 г. из Череповецкого уезда Новгородской губ. [15, с. 433]. По сообщению корреспондента Этнографического бюро Н. П. Аврамова из с. Адуева Медынского уезда Калужской губ., «качества, которые крестьянами здесь ценятся в девушке-невесте: богатство (приданое), дородство, сила и способность к крестьянскому труду дома и в поле и, меньше всего, невинность. Имущественный достаток невесты, при выходе в замужество, часто покрывает отсутствие в ней целомудрия» [14, т. 3, с. 430]. «Мало девушек, которые остаются девственными до 18—20 лет», — пишет корреспондент из Калужской губернии [там же, с. 168].

В деревнях местности Спасовщина Усадицкой волости Санкт-Петербургской губ. потеря невинности считалась несчастьем, глупостью по молодости, в этом винили родителей за недосмотр. Девушку жалели за слабо-

характерность, парню-обманщику ни за что уже не верили. В случае беременности родители пытались устроить женитьбу. При отказе и наличии доказательств суд присуждал к материальному возмещению (корова, деньги и т. д.).

Если парень и девушка состояли между собой в связи, последствием которой было рождение ребенка, то бесчестье и главная вина падали на девушку. «Сука не захочет — кобель не наскочит», — говорили крестьяне. По мнению крестьян, нельзя было принудить парня жениться на обольщенной им девушке или требовать с него на содержание ребенка: «Чьи бы быки не были, а телята твои» (с. Пречистое Ростовского уезда Ярославской губ.) [14, т. 2, ч. 2, с. 377]; «Парню-то и на руку, что девка рот разинула, к нему ничего не пристанет» (Жиздринский уезд Калужской губ.) [14, т. 3, с. 168]; «Мало ли, что девка наскочит. <...> Почему же она не взяла расписки? Ведь не бойсь без расписки никто займы денег не даст, так как же она чистоту свою девичью зря отдает! Прямое дело, что такая девка сама виновата и все врет!» [14, т. 2, ч. 2, с. 377]. Если связь не была открытой и имя парня было неизвестно, то весь позор всецело падал на девушку. Но если его имя становилось известным, то и ему доставалось от сверстников и односельчан. Насмешки приходилось выслушивать от мужиков и от баб не только наедине, но и публично (с. Рождественское Даниловского уезда Ярославской губ.) [там же, с. 197—198].

Отношение к обольщенной девушке со стороны разных представителей крестьянского социума было неодинаково. Об этом свидетельствует следующая запись информатора из Калужской губернии: «“Ты, девушка, не водись (не дружись) с Анюткой, — она “балуется” и про тебя будут говорить, как про нее, если ты будешь ходить с ней, — она на добро не научит: у ней хвост замаран”, — говорят между собою девки. Бабы хоть и не прочь посмеяться над такой девкой, но не избегают ее. Бабы любят подшутить над такими девушками: “Коса-то у тебя, девка, одна, да должно быть ты сама-то без дна...”. “Только и отлична, что девичья кличка, а тож потеряна затычка”. Таких поговорок у баб очень много, только большинство из них *еще нецензурнее*. <...> Родители побьют жестоко девку, бранят ее при всяком случае; семейные тоже упрекают: “Осрамила, опоскудела всю семью, поскуда нестоящая!”. Даже сестры, и те пилят: “Замарала свой хвост! И нас-то через тебя не возьмут!” Старики поговорят про слабость, про распущенность, про непокорность нынешней молодежи. В последние 5—6 лет на потерю невинности мало обращают внимания, потому что большинство молодежи сходятся до свадьбы. Если теперь станут приставать к девушке с укорами, то она непременно ответит: “Свой чемодан, кому хочу, тому дам!” Даже к беременной девушке и то редко пристають; те же, на которых падает только подозрение, хотя бы оно было несомненно, — те не постесняются подать жалобу в волостной суд за оскорбление, и во всяком случае наплюют обидчику в глаза. <...> Больше всего достается девушкам, потерявшим невинность, от ребяташек-подростков, которые при всяком удобном и неудобном случае не преминут, даже при всем народе, упрекнуть их в проступке, не по злости, а ради общего смеха» [14, т. 3, с. 555].

Из других российских губерний сообщали, что к такой девушке при людях подруги относились холодно, а сами потихоньку помогали, чем могли [14, т. 6, с. 373]. В Калужской губернии отношение к ней не изменялось [14, т. 3, с. 328].

Пожилые мужчины в большинстве случаев относились к потерявшей невинность девушке равнодушно, а замужние женщины выказывали пренебрежение. Хотя позор ложился на всю семью, обращение с виновной не было жестоким, в каждой семье могла найтись такая девушка, и не одна [там же, с. 168, 307]. Женщины также могли проявлять большую терпимость, считая, что она заслуживает снисхождения: «Иной раз такая точка подойдет, — говорят они, — что ни в жисть не утерпишь, особливо, когда парень женитьбой станет соблазнять, да обнимать, ласкать и целовать; иная из бедных и подумает, что ежели и честно проживу, такая все едино за бедняка попаду, а ежели этому ужогу, то, может, и возьмет он меня. Опять же, ведь каждая девка думает, что, может, и так пройдет. Кабы все девки знали, что не родят от этого, так, поди редкая бы уцелела» (с. Пречистое Ростовского уезда Ярославской губ.) [14, т. 2, ч. 2, с. 376].

Изменение отношения к добрачным связям в конце XIX в. описано наблюдателем из Калужской губернии: «В дер. Сосене забеременела девушка; мать хотела ее бить, но соседи не только не дали бить, но уговорили даже не ругать: “Все равно дела не поправишь, а девку можешь загубить совсем: что как она наложит на себя руки? Что же делать! Ее дело молодое; один Бог без греха! Ее надо теперь жалеть, а не бить... бить-то много найдется, а пожалеть некому!” <...> Мать действительно не тронула девушку, но и не ругала ее, даже плакала втихомолку, а девку ободряла» [14, т. 3, с. 555—556].

Девушки старались скрыть свои интимные отношения с парнем «до малейшей возможности», но если связь обнаруживалась, тогда ее не скрывали больше. Были случаи, что девушки-работницы открыто для всей семьи хозяина имели связь с его сыном или родственником и не таились от соседей, после того как их заметили. Работники и работницы, девушки и парни (не говоря о замужних и женатых) часто вступали в открытую связь и жили, как муж с женою, даже ревновали друг друга, устраивали скандалы. О таких девушках говорили: «Где уж, по чужим людям живши, уберечься; дело молодое, женское, любой может опозорить» [14, т. 3, с. 555]; «Живя по прислугам, деревенская девушка быстро теряет свою невинность» [14, т. 2, ч. 2, с. 199].

Любопытный пример приводит информатор из села Ильинского Галичского уезда Костромской губ.: «Известно, что город с его соблазнами и множеством разного рода Дон Жуанов портит деревню. Девушка, которая служила или служит в городе, не считается хорошею невестою: редко возьмут ее замуж. <...> Одна такая из нашей деревни живет постоянно кормилицей в Москве, а незаконных детей своих присылает матке в деревню на воспитание, помогая за это деньгами и одежей. Матка (отца нет) этому очень рада и весьма ценит и любит эту дочку. С братьями она тоже в хороших отношениях. Деньги — деревенский кумир. <...> За большие деньги и вообще за выгодную сделку с совестью девушке здесь если не все простят, то во многом извинят и скажут, что она не глупа и надеется на всю жизнь себя обеспечить» [14, т. 1, с. 181]. В то же время в больших торгово-промышленных селах рождение одного, а иногда и нескольких детей, впоследствии умерших, не мешало девушке выйти замуж. На свадебных обрядах ее нецеломудренность вовсе не отражалась [14, т. 4, с. 161, 163, 165]. Таковых свидетельств — масса.

Имеются факты продажи дочерей родителями. Крестьянка Анна И. продала свою 15-летнюю дочь местному богатому торговцу за 20 р. Этот отчаянный поступок был вызван крайней нуждой и надеждой, что он ее не оставит. Но через несколько месяцев он ее бросил, а девушка пополнила ряды проституток. Другой случай: крестьянин И. О. продал свою 16-летнюю дочь местному богатей С. за 100 р., исходя из материальных соображений. На этот раз расчет оказался верным: из С. удалось вытянуть много подарков, а потом и денег под угрозой предать все огласке, т. к. С. был женат [14, т. 2, ч. 1, с. 504]. Проституция по настоянию родителей встречалась нередко [там же, ч. 2, с. 200].

Об отношении крестьян к потере девушкой невинности свидетельствует следующая запись информатора из Калужской губ.: «Есть одна пословица, характеризующая отношение народа к падению девушек: “Девка на поре, не удержишь на дворе”, т. е., когда пришло девке время, появилось желание полового общения, то ничем этого отворотить нельзя, значит это неизбежно, так и быть должно. Большинство девушек поддаются на обещание “взять замуж”. Народ говорит в таких случаях: “Венцом все прикроется”. Про тех, кто живет незаконно без обещания брака, говорят презрительно — “А парню что? — говорят крестьяне, — попалась дура, ну, и пользуйся; насмеется, натешится, да и бросит; не жениться же на всех, кто будет вешаться на него!”» [14, т. 3, с. 556].

Немалое влияние на нравственность в дореформенное время оказывала помещичья власть. Приведем несколько примеров из сообщений информаторов Этнографического бюро из разных российских губерний. По рассказу крестьянки Федоры Тимофеевой из д. Дубасова Пошехонского уезда Ярославской губ., помещик приезжал в свою вотчину на охоту и жил у старосты в деревне по 3—4 дня. Каждую ночь к нему приводили крестьянскую девушку по наряду старосты. Близость помещичьих усадеб с прислугой — лакеями, кучерами и т. д. — отрицательно влияла на нравственность. В д. Сергиевка, находившейся вблизи усадьбы, число незаконнорожденных детей было вдвое больше, чем во всем приходе [14, т. 2, ч. 1, с. 503]. «Василий Петрович Караулов, владелец большой вотчины, не пропускал случая “первой ночи”, а когда не было свадеб, рассылал старост и преданных ему старух для выбора молодых красивых девиц и женщин» (Санкт-Петербургская губ.) [14, т. 6, с. 374].

Отношение самих девушек к интимным связям характеризует следующее свидетельство: «Вольное обращение на словах позволяют себе не только парни, бабы, но и девушки, которые не только очень любят слушать сальности, но и говорить их, иногда даже громадной толпе; затем девушки позволяют себе петь такие песни (коротенькие и непременно рифмованные), которые не имеют в себе и половины цензурных слов. Таких девушек зовут “бедовыми” и только. Даже поспать с парнем не считается ни за что: “Поспала — ничего не украли”, — говорят девки, если над ними станут подшучивать. Хватание за какую угодно часть тела свободно допускается: “От этого не полиняешь”, — говорят обыкновенно. Конечно, есть девушки, не допускающие вольностей, но в тесном месте, т. е., когда мало народу, и с ними не очень церемонятся. Часто сами подруги упрекают таких: “Что же он съел, что ли, тебя? Чего ерепенишься? Ишь, недотрога какая!”, “Не позолота, — не слиняешь оттого, что похватали!” [14, т. 3, с. 555—556].

По сообщению другого корреспондента, Я. И. Кузнецова из Ветлужского уезда Костромской губ., в деревнях этой местности из-за отхожих промыслов имелся перевес женщин. Стремление выйти замуж порождало обилие внебрачных связей. Если рождался ребенок и потенциальный жених порывал со своей возлюбленной, считалось, что ее семье нанесена кровная обида. В суд не обращались, поскольку требовались доказательства, а использовали старый испытанный метод — месть. Брат мстил за поруганную честь сестры [14, т. 1, с. 113].

В народе упорно держится убеждение, что если застать с «поличным» (свидетели) парня с девушкой, то можно его судом заставить жениться. Это убеждение иногда производило громкие скандалы. Например, одного парня долго караулили и наконец подкараулили в сенном сарае; так как свидетелей на лицо не было, то два брата девушки сняли с парня поддевку, заперли сарай на цепок и замок, а сами пошли за свидетелями. Парень в это время взломал угол соломенной крыши, вылез и ушел. Суд, конечно, не мог ничего сделать, так как парень и девка сходились полюбовно, а между парнем и братьями девушки началась страшная вражда. Несколько раз враги жестоко побивали друг друга. Парень, попавшийся с девушкой, поспешил скорее жениться на другой, чтобы не могли его заставить жениться на прежней любовнице» [14, т. 3, с. 556]. Иногда удавалось отца «незаконно прижитого младенца» заставить платить на содержание ребенка через суд [там же].

В с. Бояновичи Жиздринского уезда Калужской губ. произошел следующий случай. На ночлежках от 15-летнего парня забеременела девушка. Он обещал на ней жениться, но обещания не сдержал и собирался жениться на другой. Девушка родила, ее отец уговаривал обольстителя сдержать свое слово, но безрезультатно. В день свадьбы во время венчания кто-то заявил, что существует препятствие к браку — родившийся ребенок. Священник перестал венчать, а отец той девушки подал прошение местному духовнику, чтобы тот воздействовал на жениха и его семью. Жених оправдывался: 1) навязываемая невеста ему не нравится; 2) в период половой связи он еще был несовершеннолетним; 3) над ним будто было бы совершено насилие; 4) весьма возможно, что ребенок не его, раз ему было тогда 15 лет. Архиерей нашел доводы основательными и решил, что нельзя женить без взаимной склонности [там же, с. 203]. «Что касается до привлечения обольстителя к какой-либо ответственности, — сообщает наблюдатель из с. Рождественского Даниловского уезда Ярославской губ., — то таких случаев на наших глазах еще не бывало, да и по видимому, и быть не может. Родители обольщенной девушки хорошо знают, что они, подав в суд, только еще больше увеличат позор своей дочери, выставив его на судебное разбирательство» [14, т. 2, ч. 2, с. 197—198].

По сообщению другого корреспондента из Ростовского уезда той же губернии, если парень обольщал девушку обещанием на ней жениться и давал в том расписку или обменивался с ней крестами, то, по воззрениям большинства крестьян, он был обязан на ней жениться. Священник в таком случае не должен был венчать парня ни с какой другой девушкой. В с. Колягине один парень дал такую расписку, но потом хотел отказаться. Родители девушки пригрозили ему судом и тем, что он навсегда останется холостым. Испугавшийся парень женился на этой девушке. Другой парень обменялся с девушкой крестами, а сам

женился на другой. Пришлось ему дать родителям обольщенной девушки 50 р. отступного. Но такие случаи были редки [14, т. 2, ч. 2, с. 377].

Приведем описание решения суда в Павинской волости Никольского уезда Вологодской губ. (1891): «Крестьянская девица просит за побои и лишение чести взыскать 15 руб. и, кроме того, подвергнуть по закону. Свидетельницы подтвердили это дело. Суд постановил: взыскать за лишение чести 15 руб. и за поступок сей посадить в арестантскую на 7 дней» [14, т. 1, с. 115]; «Дела, возникающие на почве любовных интересов, обыкновенно, прекращаются судьями миром и всячески замалчиваются, и потому редко попадают в решения волостных судов. “Нечего тут разбирать, оба виноваты; или как тут разберешь, кто ложился первый”» [там же, с. 117].

В крестьянском сознании глубоко укоренилось представление, что мужчина выше женщины во всех отношениях. Причем такое видение было характерно не только для мужчин, но в значительной степени и для женщин [14, т. 1, с. 68; т. 2, ч. 2, с. 364; т. 3, с. 53—54, 114; т. 6, с. 143, 219, 223].

С интимными отношениями были связаны различные компоненты пространства крестьянского парня. Начнем с генетического компонента. Нравы в деревне были далеко не пуританскими. Ю. И. Семенов в своей работе приводит многочисленные примеры добрачных отношений в русской деревне, рассматривая их как пережитки древнейших форм отношений полов [16]. Подобные примеры дают Т. А. Бернштам [4, с. 227—228] и материалы Этнографического бюро (см., например: [14, т. 3, с. 305, 328, 430; т. 4, с. 145, 157, 232; т. 5, ч. 2, с. 672]). Добрачные связи позволяли парню утвердиться в собственных глазах и в глазах своих сверстников. Он даже был окружен неким ореолом, что давало ему возможность выделиться, наделяло чертами, имеющими высокий статус в среде крестьянских парней. В иных случаях добрачные связи служили одним из средств интегрироваться в мужское молодежное сообщество. Деревенская мораль обычно терпимо относилась к добрачному сексуальному опыту, по крайней мере если парень уже достиг совершеннолетия. Добрачный сексуальный опыт в определенной степени органически входил в компоненты мужского пространства.

Интимно-сексуальная сфера затрагивала не только эмоционально-психологический, познавательный, функциональный компоненты мужского молодежного пространства, но также мировоззрение и мировосприятие. Особо коснемся морально-правового компонента. Здесь ярко выступает асимметрия в положении мужчины и женщины. Согласно мужской морали, соблазнение девушек входило в естественный порядок вещей, так было заведено. По нормам морали крестьянского социума у парня не было почти никаких обязательств перед соблазненной девушкой. Однако не все здесь столь однозначно, у морально-правового компонента имелась определенная вариативность по вертикали. Мы видели, что обычное право предусматривало в некоторых случаях ответственность соблазнителя (выдача расписки, обмен крестами). При наличии доказательств можно было в судебном порядке привлечь соблазнителя к материальной ответственности. Вариативность имелась и в отношении общественного мнения. Не всегда интимная жизнь парней воспринималась безразлично или даже одобрительно, в иных случаях она встречала осуждение.

Женское пространство крестьянки обладало сложной структурой. В него входили пространства девочек, девушек-невест, молодых замужних женщин, зрелых женщин с детьми, вдов, солдаток и др. Переход из пространства девочек-подростков в пространство девушек-невест был обусловлен биологическим взрослением и предопределен течением времени. А вот следующий переход в пространство замужних женщин такой определенностью не обладал и представлял лишь одну из альтернатив, к тому же имевшую широкую вариативность. Таких альтернатив у девушки было немного — остаться старой девой, вековушей, или же иметь интимные связи не выходя замуж и завести незаконнорожденных детей. Последняя альтернатива помимо экономических затруднений вызывала осуждение в крестьянской среде. Стремление к переходу из пространства девушек-невест в пространство замужних женщин представляло абсолютную доминанту.

Приведенное выше традиционное описание устройства пространства девушки-невесты, касающееся интимно-сексуальной сферы, справедливо лишь в самом общем виде и поэтому вряд ли может считаться удовлетворительным. Оно было совсем не таким простым и четко определенным. Дать его описание хоть с какой-то степенью полноты является совершенно нереальной задачей. Попробуем хотя бы в общих чертах наметить многообразие проявлений этой сферы в пространстве девушки-невесты.

Интимно-сексуальная сфера в значительной степени затрагивала генетический компонент вследствие давних традиций русской деревни («гаски», «горюн», «столбушка», «стояние за углом») [4, с. 227, 228; 14, т. 3, с. 328, 430; т. 4, с. 158, 232; т. 5, ч. 2, с. 672, 726; 16, с. 42—45]. Выход девушки замуж выполнял дифференцирующую функцию (выделение из среды девушек) и одновременно осуществлял интегрированность в среду замужних женщин. Однако при четко определенном стремлении к такому переходу сам переход и всё, что с ним было связано, на поверку оказывались неизмеримо сложнее, чем это казалось на первый взгляд.

По традиционным представлениям, интимно-сексуальный компонент обретал реальность после перехода в пространство замужних женщин, что выделялось ритуально предписанным моментом (свадьба). Однако сам переход не был предопределен, вследствие чего происходила инверсия — интимно-сексуальный компонент своим появлением в пространстве девушек был призван стимулировать такой переход. Согласно источникам, данная схема представляется адекватной действительности в большинстве случаев. Появление указанного компонента было обусловлено вариативностью по горизонтали и вертикали остальных компонентов, причем изменение диапазона вариативности одних компонентов индуцировали соответствующие изменения у других. Сам исходный пункт — выйти замуж — не был однозначно определен. Девушка не просто хотела выйти замуж, а выйти за желанного и богатого; в некоторых случаях нужно было заставить родителей смириться со сделанным выбором (жениха или невесты); не последнее место занимал половой инстинкт. Сюда примешивалось участие родителей и родственников. Кроме того, вследствие массового отходничества в деревне имелся избыток невест и между ними разгоралась борьба за сердца и кошельки женихов. Всё это в сочетании с эмоциональными порывами и настроениями переплеталось в единый клубок и создавало сложнейший массив начальных состояний.

Важное значение имела вариативность морально-правового компонента как мужского пространства, так и женского. Не всегда и не везде формально предписанные и реально соблюдаемые моральные нормы, касающиеся сексуальной сферы, совпадали [10, с. 165]. Вопреки религиозным предписаниям к внебрачным связям парней, а в ряде случаев и девушек крестьянский социум относился довольно либерально. Значительное влияние на понимание моральных норм, на мировосприятие и мировоззрение оказывало появившееся вместо прежнего эгалитаризма имущественное и социальное расслоение деревни в конце XIX — начале XX в. Отметим, что в первую очередь материальные соображения делали пластичными различные компоненты.

Вступление девушки в интимную связь выделяло ее из группы сверстниц, но здесь она попадала в «зону риска», поскольку конечное состояние также обладало вариативностью. Девичья честь имела самостоятельную ценность, в богатых семьях к этому относились гораздо строже. Девушке нередко приходилось сопоставлять две системы ценностей — социальную лестницу, олицетворяемую сочетанием богатства и престижа, и свою девственную чистоту — и делать выбор. Часто ожидаемый конкретный переход не реализовывался (парень бросал обольщенную им девушку), и это затрудняло девушке вновь интегрироваться в пространство незамужних. Ее в разной степени отторгали и семья, и сообщество сверстниц, и весь крестьянский социум. Положение еще более усугублялось при беременности и рождении ребенка. Потеря девственности могла быть постоянной инвективой даже после выхода девушки замуж, внося разлад в семейную жизнь. Крайним случаем отторжения являлся вынужденный уход девушки в город. Часть девушек нанималась в работницы. В этом случае связи с хозяином, его сыновьями и родственниками могли дать новые сюжеты интимных отношений. Далее имелись варианты еще в одном измерении. При отказе парня жениться на соблазненной им девушке не только взывали к его моральным установкам, но использовали и другие способы убеждения и принуждения (судебное разбирательство, шантаж, угрозы, месть). Таким образом, для девушки имелся целый диапазон конечных состояний (соблазнитель женился на ней, она выходила замуж за другого, материальная компенсация, интегрированность в пространство незамужних, переход в маргинальное состояние). Учтем вариативность морально-правового компонента родителей (жалость к дочери, постоянные упреки, побои, продажа с целью получения материальных выгод, склонение к проституции), подруг (поддержка, сочувствие, безразличие, укоры и нежелание общаться), социума (сочувствие, безразличие, осуждение). Добавим сюда вариативность функционального, познавательного, мировоззренческого и других компонентов, половой инстинкт. Всё это взаимодействовало друг с другом, создавая бесчисленные комбинации.

Добрачные отношения реально существовали и составляли важную часть повседневной жизни русской девушки-крестьянки. Можно только представить накал страстей, богатство чувств и мыслей девушки, раздираемой противоречиями, ее внутреннее состояние, преисполненное надежд, ожиданий, разочарований. Таким образом, становится ясно, что по отношению к интимной жизни пространство крестьянской девушки было богато и насыщено, представления о нем по сравнению со стереотипами нуждаются в корректировке. Конечно, не

следует считать, что понятие девичьей чести претерпело повсеместную девальвацию. Традиционные представления о девичьей чести и добрачных отношениях сохраняются в разной степени до настоящего времени в сельском социуме.

Библиографический список

1. *Арутюнов С. А.* Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Сов. этнография. 1981. № 1. С. 8—21.
2. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 237 с.
3. *Безгин В. Г.* Скрытая повседневность : (половые отношения в русской деревне конца XIX — начала XX в.) // Клио. 2004. № 3 (26). С. 103—107.
4. *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л. : Наука, 1988. 278 с.
5. Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии). СПб. : Изд-во Европейского дома, 1993. 472 с.
6. *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М. : Мол. гвардия, 1991. 446 с.
7. *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М. : Паломник, 2007. 528 с.
8. *Крюкова С. С.* Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М. : ИЭА, 1994. 214 с.
9. *Пушкарёва Н. Л.* Всероссийская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнограф. обозрение. 2003. № 4. С. 67—80.
10. *Пушкарёва Н. Л.* Историческая феминология в России: состояние и перспективы // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 164—173.
11. *Пушкарёва Н. Л.* «Жену с почину берут»? : устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в. // Женщина в рос. о-ве. 2009. № 2. С. 3—12.
12. *Пушкарёва Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX — начала XX века // Этнограф. обозрение. 2009. № 5. С. 120—134.
13. *Пушкарёва Н. Л.* Феминистский вызов новейшей этнологии и антропологии // Там же. 2004. № 4. С. 39—51.
14. Русские крестьяне : жизнь. Быт. Нравы. СПб. : Деловая полиграфия : Навигатор, 2004—2008. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии. 2004. 568 с. ; Т. 2 : Ярославская губерния ; ч. 1 : Пошехонский уезд. 2006. 608 с. ; ч. 2 : Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. 2006. 552 с. ; Т. 3 : Калужская губерния. 2005. 648 с. ; Т. 4 : Нижегородская губерния. 2006. 412 с. ; Т. 5 : Вологодская губерния ; ч. 1 : Вельский и Вологодский уезды. 2007. 624 с. ; ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. 2007. 840 с. ; ч. 3 : Никольский и Сольвычегодский уезды. 2007. 684 с. ; Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 2008. 600 с.
15. Русский Север: этническая история и народная культура II —XX века. М. : Наука, 2004. 848 с.
16. *Семенов Ю. И.* Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. // Этнограф. обозрение. 1996. № 1. С. 32—49.
17. *Семенова-Тян-Шанская О.* Жизнь «Ивана» : очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М. : Ломоносовъ, 2010. 192 с.

ББК 60.542.21

Р. Н. Сулейманова

ЖЕНСКИЙ СОЦИУМ СОВЕТСКОЙ БАШКИРИИ В 1945—1965 гг.: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ, ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

С завершением Великой Отечественной войны страна возвращалась к мирной жизни. Нужно было восстановить разрушенное народное хозяйство, перевести его на мирные рельсы. В решении этой задачи вновь партийно-государственные органы обратились к женскому населению, которое и само проявляло большое желание помочь стране, энергично включившись в процесс восстановления. Как считают исследователи, в этот период государство продолжало рассматривать женщин как «незаменимую производительную силу» [3, с. 404]. Кроме того, возникла необходимость определить место активизированному, особенно в годы войны, женскому фактору, когда женщины заменяли мужчин не только в народном хозяйстве — им доверяли ответственные посты. Однако с окончанием войны и возвращением мужчин необходимость подобного их использования отпадает. И все же сохранение определенного участия женщин в представительных органах остается, что устанавливалось путем разнарядок и квот.

Немаловажное значение в реализации равноправия женщин, их политической активности имело участие в общественно-политической жизни, в деятельности партийных, советских и других общественных организаций. В послевоенный период в общественно-политической жизни Башкирии возникли важные задачи. Прежде всего, необходимо было перестраивать деятельность партии, Советов и других общественных организаций, направив ее на решение первоочередных задач. С этой целью требовалось кардинально изменить организационно-партийную работу, улучшить идейно-воспитательную работу, повысить роль коммунистов во всех сферах жизни. Немалую роль в этом сыграло принятое в январе 1945 г. постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» [6, с. 539—543].

Членство в партии продолжало оставаться необходимым и престижным, являлось основным показателем социальной активности и карьерного роста как для мужчин, так и для женщин. Кроме того, оно было одной из форм вовлечения населения в общественно-политическую жизнь. Ввиду того что довольно большая часть людей вступила в партию в годы войны, в послевоенный период больше внимания стало уделяться вопросам приема в партию, проведению политико-воспитательной работы среди кандидатов и членов. Возникла необходимость проверки их политической лояльности, наличия твердых убеждений и

др. Последовало указание обкома принимать в партию только в порядке индивидуального отбора. Поэтому в 1948—1949 гг. наблюдалось резкое снижение приема. Строгий отбор распространялся и на женщин. Обком партии отмечал, что в Кигинском, Кушнарниковском и Макаровском районах женщины среди принятых составляют 5—7 %. В Мишкинском районе в течение года в партию не было принято ни одной женщины [9, с. 464, 465]. Начиная с 1951 г. наблюдался постепенный рост их приема в партию. В 1960-е гг. доля женщин составляла в среднем 40 %, тогда как в предыдущие десятилетия этот показатель был на уровне 18—30 % [2, с. 79, 80]. Это вело к тому, что численность женщин в составе партийной организации республики увеличивалась. Однако партия продолжала оставаться в основном мужской. Объясняется это тем, что вступление в партию происходило в том возрасте, когда женщина осознанно определялась с жизненными установками. В этом отношении многие женщины выбирали семью. Да и при выборе кандидатов в члены партии предпочтение продолжало отдаваться мужчинам.

В послевоенный период, в сравнении с военными годами, женщин становилось меньше в составе республиканской номенклатуры, в частности на должностях, входивших в номенклатуру обкома партии. В 1946 г. среди 222 секретарей райкомов и горкомов партии их было 27. В 1950-е гг. последовало снижение до 5—7 человек. Потом вновь имело место небольшое увеличение. Но при кажущемся благополучии этих цифр они не отражали действительного участия женщин в общественно-политической жизни. Как считают исследователи, формальный, декларативный подход к решению проблемы повышения социального статуса женщины стал нормой партийного руководства и свидетельствовал о ее недооценке как суверенной личности и субъекта общественного развития [3, с. 414]. Незначительным было участие женщин в других представительных органах и общественных организациях. Выступая проводниками «генеральной линии» партии, являясь «винтиками» административно-командной системы, Советы, комсомол, профсоюзы и общественные организации выполняли немаловажные задачи в социально-экономическом, общественно-политическом и культурном развитии республики. Однако в отношении женщин их деятельность регламентировалась указаниями партийных органов.

В послевоенный период в составе комсомольской организации республики доля женщин составляла почти 61 %. Затем последовало снижение их удельного веса. В 1953 г. комсомолок насчитывалось 97 149 человек, или 49,6 %, в том числе около 42 000 башкирок, 27 000 татарок и 18 200 русских девушек. К концу десятилетия имело место некоторое снижение их доли в составе молодежной организации — до 48,9 % в 1960 г. [11]. Но потом вновь последовало увеличение женской части. В 1964 г. 53,1 % общей численности комсомольцев республики составляли девушки [2, с. 329]. В последующие годы их доля превышала мужскую. Подобная тенденция объяснялась тем, что вступление в комсомол происходило в основном в молодом возрасте, когда у большинства девушек не было семьи и детей и они не были загружены семейно-бытовыми проблемами.

Профсоюзные организации также стали больше привлекать женщин к общественной работе, толчком к чему послужили партийные решения. В августе 1948 г. бюро обкома партии рассмотрело вопрос о руководстве Уфимского гор-

кома ВКП(б) профсоюзными организациями: указывались недостатки в работе, среди них — слабое внимание к нуждам и запросам женщин со стороны профсоюзных организаций города. В октябре 1951 г. на бюро обкома ВКП(б) рассматривался вопрос о работе Башкирского областного совета профсоюзов с руководящими профсоюзными кадрами. Отмечались серьезные недостатки, в частности слабое выдвижение женщин. В 1959 г. в составе месткомов женщин было 46,1 %, в 1963 г. — 51,7 %. В 1959 г. 39,6 % председателей месткомов были женщины, в 1963 г. — 42,9 %. В областном совете было 43 женщины, в аппарате облсовета 3 женщины возглавляли отраслевые обкомы, 5 женщин работали секретарями отраслевых обкомов профсоюзов. Несмотря на наблюдавшийся рост женского представительства в этих органах, он был незначительным, если исходить из общей их численности в самой организации.

Женщины были вовлечены и в советскую работу. В сложных условиях в послевоенный период работали Советы республики. Были приняты меры по совершенствованию их деятельности. Первым значительным событием, которое встало перед ними в послевоенные годы, было проведение выборов в 1946—1947 гг. в высшие представительные органы СССР, РСФСР и БАССР, а также в местные Советы республики. Среди депутатов Верховного Совета Башкирии в 1947 г. женщин было 40 человек, или 26,7 %. Республику представляли в Верховном Совете страны 6 башкирских женщин, в Верховном Совете РСФСР — 5. В 1947 г. были избраны депутатами в райсоветы 713 женщин, в сельсоветы — 6259, в горсоветы — 345. Однако, несмотря на рост количества женщин на советской работе, их было мало, а во многих местах не было вовсе. В августе 1949 г. обком партии, обсуждая вопрос о положении дел с выдвижением женщин на руководящую работу, отмечал, что ситуация неудовлетворительная. Особенно неблагоприятным было положение с выдвижением женщин в руководство сельскими Советами. Отмечалось, что лишь единицы женщин в ряде районов являются председателями сельсоветов. Бюро обкома приняло решение «считать выдвижение женщин на руководящую работу жизненно-важной общепартийной задачей», особое внимание уделить подбору, выдвижению женщин для руководства Советами, председателям районных и городских Советов систематически рассматривать этот вопрос, решительно пресекая всякие факты пренебрежительного отношения к работе среди женщин и недооценки их роли в руководстве советским строительством [4, с. 91, 92].

В результате произошедших в начале 1950-х гг. перемен в стране были приняты определенные меры по совершенствованию деятельности советских органов. Большое внимание уделялось их укреплению квалифицированными кадрами, расширялось участие населения в их работе. Пересмотр в 1954 г. избирательных норм по выборам в Советы привел к некоторому увеличению численности депутатов. На выборах в местные Советы в марте 1957 г. было избрано свыше 26 тыс. депутатов, больше было избрано женщин. В эти годы их активнее вовлекали в советскую работу. В 1959 г. в Верховном Совете республики было 79 женщин, что составляло 35,9 % от общего числа депутатов. В местных Советах их представительство превышало 30 % от общего числа депутатов. В 1960-х гг. треть избранников составляли женщины [10]. Активизировалась деятельность народных избранниц в работе постоянных комиссий Сове-

тов, где они вместе со всеми выступали, с одной стороны, как законодатели, с другой — как исполнители, т. е. они принимали решения и сами же контролировали их выполнение. В рассматриваемые годы представительство женщин в советских органах увеличивалось, заметно активизировалась их деятельность в них на различных уровнях, возросла их роль в решении государственных и местных дел. Работая в постоянных комиссиях Советов, они приобретали организаторский опыт, осуществляли связь с трудовыми коллективами, населением по месту жительства, со своими избирателями. Однако надо отметить, что поспешность, анкетный подход, недоверие к женщинам вели к большой сменяемости кадров и незначительному их представительству. Негласные квоты на избрание в местные Советы лишь формально подтверждали равноправие женщин с мужчинами. Заранее намечалось определенное количество женщин. При этом для соблюдения видимости «равного» участия женщин в политической жизни их выдвигали на менее значимые должности.

Хотя и было принято немало постановлений по улучшению деятельности и функционированию Советов, выдвижению женщин на советскую работу, однако недостаточный контроль за их выполнением, недоверие к способностям женщин приводили к тому, что их было мало среди руководящих работников и в резерве кадров.

Проблема кадров для партийного и государственного аппаратов являлась одной из острейших, вставших перед руководством республики в послевоенные годы и продолжавших оставаться таковой и в дальнейшем. Основной причиной была возросшая в связи с войной сменяемость кадров, взамен которых пришли недостаточно подготовленные люди. В 1946 г. — первой половине 1947 г. сменилось 46,4 % общего состава номенклатурных работников обкома ВКП(б). Сменились свыше половины секретарей районных и городских комитетов партии, председателей исполкомов Советов, более 80 % председателей колхозов [9, с. 276].

В вопросах подготовки кадров для партийно-государственного аппарата определенное внимание уделялось женщинам. В июле 1947 г. на пленуме обкома ВКП(б), где рассматривался вопрос о мерах по улучшению подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров, отмечалось, что серьезным недостатком является резкое снижение числа женщин в составе руководящих работников. В общем составе номенклатурных работников они составляют меньше 10 %. Во многих районах, в частности Альшеевском, Абзелиловском, Бирском, крайне мало, а то и нет вовсе женщин в числе руководящих работников, входивших в номенклатуру обкома ВКП(б). Причиной подобного положения стала недооценка партийными, советскими, профсоюзными и хозяйственными органами республики выдвижения женщин на руководящие должности и необоснованное отстранение их от работы, допускаемые руководящими работниками. В принятом решении от руководящих органов требовалась «решительная ликвидация имеющейся неправильной и вредной для дела тенденции ограничить участие женщин в руководящей работе, считая выдвижение женщин на руководящую работу жизненно важной общепартийной задачей» [11, ф. 122, оп. 29, д. 65, л. 101].

Этот вопрос не потерял своей остроты в последующие годы. Обкомом партии в 1950 г. указывалось, что число женщин в партийном и советском ап-

парате сократилось, в практике подбора и расстановки кадров до сих пор не изжиты факты поверхностного подхода, отдельные горкомы и райкомы по-прежнему слабо изучают кадры, не создают резерва для выдвижения женщин. В номенклатуру обкома партии не было назначено ни одной женщины. Все были назначены в структуру органов городского и районного ранга на более низкие посты. Это привело к тому, что число женщин среди секретарей райкомов и горкомов в течение 1950 г. сократилось с 33 до 17. Несмотря на большое число женщин в промышленности, на руководящей работе их было мало. Неудовлетворительным было выдвижение женщин-башкирок [11, ф. 122, оп. 32, д. 57, л. 40]. В 1953 г. в составе республиканской номенклатуры женщин было 263, или 12,8 %, среди них башкирок — 36, или 13,7 %. Однако на высоких должностях в партийном и советском руководстве республики женщин на этот период не было. В основном им отводились должности второго и третьего уровней [11, ф. 8827, оп. 1, д. 194, л. 2]. Исследователи считают, что выдвижение женщин на руководящую работу выполняло важнейшую политическую задачу: расширение участия их в деятельности властных структур должно было свидетельствовать о растущем советском демократизме, реальном воплощении равенства прав и возможностей женщин и мужчин. С другой стороны, они не могли подняться до вершин номенклатурных постов, чему препятствием зачастую являлись психологические, семейно-бытовые и другие причины. Женщины были представлены по преимуществу на должностях «второго эшелона», или неосновных групп номенклатуры, основные позиции были заняты мужчинами. Находясь на низших ступенях властной иерархии, женщины не могли влиять на принятие решений [7, с. 176]. К тому же в составе региональной политической элиты они имели скорее представительскую, чем реальную власть, что, надо заметить, было характерно для любого региона. В послевоенный период начинается постепенное вытеснение женщин с номенклатурных должностей.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. в стране стали возникать многочисленные общественные организации («масштабный эксперимент по частичной передаче функций государственной власти различным общественным организациям»). Согласимся с исследователями, которые считают, что при всей непродуманности, поспешности их возникновения положительным выступает изменение отношения к ним, их статусу и роли в общественно-политической жизни. Их появление указывало на зарождение демократии и гражданского общества [8, с. 170]. В Башкирии также возникли в этот период общественные организации. В 1962 г. их было 46 133, в их деятельности принимали участие около 666 тыс. человек, в начале 1964 г. в 49 969 организациях участвовали около 850 тыс. человек. Они продолжали играть подчиненную роль в политической жизни, находились под контролем партии и государства. Среди них особое место занимали специальные органы по проведению работы среди женщин — женские советы.

После завершения войны деятельность женсоветов в республике практически прекратилась, хотя при райвоенкоматах они продолжали еще какое-то время функционировать. В их задачи входило оказание помощи семьям фронтовиков, особенно погибших офицеров, трудоустройство жен, забота о детях воинов. Но

проверки показывали, что они были малочисленны, политмассовую работу проводили слабо. Военные отделы райкомов партии ими не интересовались.

Однако в конце 1950-х — начале 1960-х гг. система женских организаций стала возрождаться. В основу деятельности женсоветов ляжет принятое Президиумом Верховного Совета БАССР в сентябре 1961 г. Положение о женских советах в городах, районах, селах и поселках республики. Исходя из него женсоветы создаются по территориально-производственному признаку. В 1962 г. в Башкирии действовало 1148 женсоветов с 9,5 тыс. активистов [12]. На них возлагалось решение тех задач, которыми государство не могло или не хотело обременять себя.

Особенно массово в эти годы организовывались женсоветы в городах, на крупных промышленных предприятиях республики. Так, в Стерлитамаке с 1959 г. действовали женсоветы, всего 31, в работе которых участвовали 400 женщин. Они следили за соблюдением законов о труде женщин, вели культурно-просветительную работу, организовывали досуг, взяли под свой контроль устройство детей в ясли и сады, благоустройство города. В конце марта 1960 г. был создан женсовет из 15 человек на Стерлитамакском содово-цементном комбинате, который возглавила пенсионерка Е. Кекина. Она считала, что его главной задачей является оказать партийной и профсоюзной организациям помощь в коммунистическом воспитании женщин, особенно тех, кто не работает на производстве, добиваться, чтобы женщины видели в них не каких-то уполномоченных, а своих лучших друзей, помощников и советчиков, с которыми можно поделиться и горем и радостями. В его состав вошли пенсионерки, домохозяйки и работницы комбината. Были созданы 3 секции: жилищно-бытовая, по работе среди детей и культурно-массовая. Не меньшей активностью выделялся женсовет на заводе строительных машин во главе с Ю. А. Коврижиной. Он развернул политико-воспитательную работу среди женщин, проживавших в рабочем поселке, проводил собрания, беседы, организовал кружки политпросвещения на десятидворках. Женсовет установил тесную связь с уличными комитетами и совместно с ними проводил культурно-массовую и воспитательную работу среди домохозяек. Стерлитамакский горком партии провел первую городскую конференцию женщин.

Нужно отметить, что в работе женсоветов города имелось немало трудностей. Не все женщины участвовали в трудовой и общественно-политической жизни города (в основном это относится к многодетным женщинам, домохозяйкам и пенсионеркам). Горком видел причину в том, что «женщины, занятые на производстве или в учреждении, находятся под влиянием своих коллективов. Большинство же домохозяек не знают, чем живет городская общественность. В ряде первичных партийных и профсоюзных организаций считают работу среди них чуть ли не третьестепенным делом». Потому он решил, что работа среди домохозяек — «прямая обязанность» женсоветов, «так как интересы коммунистического строительства требуют, чтобы ни один советский человек не остался в стороне от богатой и многообразной общественно-политической жизни» [10, 1960, 16 июня].

Таким образом, основу деятельности женских организаций составляло решение тех задач, которые определялись для них, исходя из важности для госу-

дарства. Интересы конкретной женщины чаще всего упускались из виду. Обладая административными функциями, они вынуждали женщин подчиняться существующей идеологии. Многие вопросы, касавшиеся семейно-бытовой стороны жизни женщин, женсоветами не рассматривались, а если и рассматривались, то лишь формально. Их прежде всего интересовали производственные проблемы, лояльность женского электората к власти, хотя иногда проскальзывало намерение проявить интерес к политике. В газете «Советская Башкирия» от 17 августа 1961 г. автор статьи о деятельности женсоветов республики пишет, что перед ними поставлены вопросы производственно-массовой работы, культуры и быта. Далее он делает вывод: «Хорошо, если бы городские и районные женсоветы посылали своих активисток с докладами и беседами в села, рабочие поселки, организовывали для женщин университеты здоровья, лектории для родителей. Работа женсоветов не должна ограничиваться только вопросами общественного быта. Желательно, чтобы они основное внимание уделяли идейно-политическому воспитанию женщин, стремились довести до сознания людей идеи нашей партии, чтобы все женщины были активными строителями коммунизма. Партийные и советские органы обязаны оказывать всестороннюю помощь женсоветам, поддерживать их инициативу, каждое новое, полезное начинание». Это отражает стремление женактива республики расширить пределы деятельности, наладить связи с сельским активом, конечно, под руководством партийных органов. То есть предпринимались робкие попытки придать своей деятельности некую политическую направленность.

В рассматриваемый период в работе среди женского социума республики использовалась одна из проверенных форм, доказавших свою эффективность, — созыв женских съездов. Это оказывало определенное влияние на привлечение женщин к участию в общественной работе, в целом в общественно-политической жизни республики. В начале 1960-х гг. были созваны два съезда. Созыв первого после войны женского форума преследовал важную цель: направить весь потенциал женщин, а они составляли подавляющую часть не только среди населения, но и как производительная сила, на решение стоящих в тот период насущных задач.

Первый республиканский съезд женщин состоялся в Уфе 30 июня 1960 г. [11, ф. 122, оп. 47, д. 204, л. 165]. В его работе участвовали 844 женщины. На повестке дня стоял один вопрос — «О задачах женщин Башкирии в досрочном выполнении семилетнего плана развития народного хозяйства республики». Главными задачами были вступление в партию, более активное участие в общественно-политической жизни, воспитание детей, производственная активность, борьба с такими социальными проблемами, как пьянство, религиозные предрассудки.

После проведения съезда женщин, вызвавшего заметное оживление работы женских организаций, не замедлил собраться и следующий. 20 декабря 1961 г. второй республиканский съезд женщин начал свою работу в Уфе [11, ф. 122, оп. 66, д. 61, л. 99]. В нем участвовало 760 человек. С докладом «Итоги XXII съезда КПСС и задачи женщин республики» выступал секретарь обкома партии Х. С. Сайранов. Он отметил, что XXII съезд КПСС разработал грандиозную программу коммунистического строительства, в решении которой вели-

ка роль женщин. В ответ на призыв обкома делегат из Чишминского района Демьяненко привела слова одной колхозницы: «Мы построили социализм, мы за 20 лет построим коммунизм». «Ее никто не готовил, — продолжила выступавшая, — она сама понимает цели и задачи партии, понимает, что это делается для народа, но надо, чтобы это осознавал каждый, борьба за высокое сознание людей, за создание материально-технической базы — это самые главные задачи, и мы, женщины, должны стоять в первых рядах по их выполнению». Но больше говорили об имевшихся трудностях в работе женских организаций: ими мало занимаются партийные организации, райкомы и райисполкомы пассивно руководят, необходимо, чтобы Верховный Совет республики, который распространил Положение о женском совете, потребовал от райисполкомов практической работы с женсоветами и др.

Таким образом, рассматриваемые годы были сложными и противоречивыми для развития женского движения Башкирии. Они характеризовались активным участием женщин в общественной жизни, в работе партийных, государственных и других самостоятельных организаций. В этот период в работе среди женщин использовались те же формы и методы, что и ранее; они практически были общими для всей страны. Но для общественно-политической жизни республики характерными чертами являлись формализм, парадность многих проводимых мероприятий, увлечение бумаготворчеством и количественной стороной дела взамен настоящей, живой работы, слепое подчинение партийно-государственной бюрократии, отсутствие самостоятельности. Создание системы женских организаций, вернее, воссоздание, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. явилось важным моментом в реализации идей самоуправления и развитии демократических начал в общественной жизни. Однако качественных изменений и большого разнообразия форм работы в женском движении не было, не чувствовалось и реальной отдачи от проводимых мероприятий. Наблюдавшееся в нем некоторое оживление ограничивалось лишь организационным оформлением. Женсоветы так и не стали той общественной силой, которая бы выражала и защищала интересы женщин. Они являлись лишь «верными помощниками партии». В послевоенный период, как некогда в середине 1930-х гг., женщины были вытеснены из сферы активной общественной деятельности, хотя в партийно-государственных решениях этого времени неоднократно подчеркивалась важность и необходимость их вовлечения в общественно-политическую жизнь, выдвижения на руководящую работу и др. Подобных решений, принятых в эти годы на партийно-государственном уровне в республике и в целом в стране, было немало. Однако этим благие намерения партгосорганов и ограничивались. Схожие явления наблюдались с представительством и участием женщин в деятельности Советов, профсоюзов, комсомола и других общественных организаций. Партия контролировала процесс вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь, определяла цели, задачи, формы их участия и представительства в политических и выборных органах. Путем разнарядок и квот устанавливала их наличие в составе республиканской номенклатуры.

Подобная регулируемая и контролируемая демократия была характерной для рассматриваемого периода. Реалии жизни вновь подтверждали декларативность провозглашенных некогда «демократических принципов равенст-

ва женщины с мужчиной во всех сферах жизнедеятельности». Стремление женщин к активной общественной работе ограничивалось системой, партийно-государственными директивами. В политической жизни, в партийных, выборных и иных органах они были не представителями и выразителями интересов женского населения, а всего лишь декларативным «подтверждением преимуществ советской политической системы, в которой гарантировались права и свободы для всех групп и слоев населения», что, безусловно, не отражало реального положения [5, с. 22].

Исследователи указывают, что женщины, несмотря на существование массовых общественных организаций, женсоветов и женских комиссий, были отстранены от реального участия в процессе принятия решений, политика была для них закрыта [1, с. 93]. Социальный статус башкирской женщины свидетельствовал о многочисленных проблемах, острых противоречиях между двумя социально значимыми функциями — женщины-труженицы и матери (на работе и дома).

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия : очерки политической теории и истории. Док. материалы. М. : Ред.-изд. комплекс Русанова, 1998. 407 с.
2. Башкирская областная организация КПСС в цифрах, 1917—1987 : стат. сб. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1987. 336 с.
3. Гендерная реконструкция политических систем. СПб. : Алетейя, 2003. 991 с.
4. Женское движение в Башкортостане, 1941—2000 : сб. док. и материалов. Уфа : Гилем, 2009. 304 с.
5. История Башкортостана, 1917-й —1990-е годы. Уфа : Гилем, 2005. Т. 2. 313 с.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. : Политиздат, 1985. Т. 7. 574 с.
7. Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945—1991 гг.). Пермь : Перм. кн. изд-во, 2003. 238 с.
8. Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы, 1945—1953 годы. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 319 с.
9. Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1941—1960 гг.). Уфа : Башкнигоиздат, 1962. 928 с.
10. Советская Башкирия. 1961. 12 марта.
11. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. Ф. 341. Оп. 25. Д. 188. Л. 53.
12. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. Р-394. Оп. 6. Д. 247. Л. 362—363.

ДИСКУССИИ

ББК 60.561.51

О. В. Стасенко

ОДИНОКОЕ ОТЦОВСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В России в настоящее время насчитывается более ста тысяч отцов-одиночек. Как сообщает Департамент по делам детей, женщин и семьи Министерства труда и социального развития РФ, из 39 миллионов российских семей около трети — неполные, из которых один процент составляют семьи, где детей воспитывает и содержит только отец [3, с. 381]. Несмотря на небольшую численность отцов-одиночек в России, данная проблема является актуальной. В реальной жизни примеров, когда мужчина один растит детей, множество.

Однако термина «отец-одиночка» юридически не существует, в связи с этим возникает проблема определения численности данной категории отцов. Следует отметить, что проблема одинокого отцовства недостаточно раскрывается в современных социологических, психологических исследованиях, тем не менее исследователи выделяют основные причины одинокого отцовства.

1. Мужчины в основном становятся отцами-одиночками в связи с гибелью жены. Если это произошло внезапно, процесс адаптации продолжается длительное время — вплоть до пяти лет. Это, безусловно, самый сложный случай.

2. Достаточно распространенным является случай, когда одинокий отец становится воспитателем ребенка, если его мать не желает брать на себя ответственность по выполнению родительских обязанностей, например в случае развода. Развод мужчины переживают тоже достаточно долго, особенно если он произошел не по их инициативе.

3. Причиной одинокого отцовства также может являться асоциальное поведение матери (алкоголизм или наркомания), что ведет к ограничению ее в родительских правах.

4. Мужчинам иногда приходится самостоятельно растить детей в то время, когда их жены отбывают наказание в местах заключения.

5. В последнее время участились случаи, когда одинокие матери повторно выходят замуж и бросают мужей с детьми, имеющими серьезные проблемы со здоровьем [3].

Отсюда следует сделать вывод, что в некоторых случаях отец сам принимает решение воспитывать ребенка в одиночку, в других его вынуждают обстоятельства.

Исследователи Центра психологической и социальной помощи семье приводят социальный портрет отца-одиночки:

© Стасенко О. В., 2010

- средний возраст около 40 лет;
- имеет одного ребенка;
- разведен;
- образование высшее;
- житель города [5; с. 75].

Согласно статистике, сегодня на десять браков приходится восемь разводов. Мужчины, претендующие на воспитание своих детей, стали чаще заявлять о своих правах. Но существующие стереотипы не позволяют им в полной мере реализовать свои права. Долго и порой безнадежно приходится отцу доказывать в суде способность исполнять свои родительские обязанности по воспитанию и содержанию детей [5].

С юридической точки зрения, понятия «отец-одиночка» официально не существует, т. к. мужчина не в состоянии сам родить ребенка. А в случае развода, смерти жены он становится одиноким и в большинстве случаев снова женится, продолжая исполнять обычные мужские обязанности в роли отца. В настоящее время в российском законодательстве четко не определен правовой статус лиц, которых возможно отнести к категории «отец-одиночка». Какого-либо нормативного правового акта, дающего юридическое толкование понятиям «одиноким отец», «отец, воспитывающий детей без матери», детально определяющего права и социальные льготы лиц, относящихся к данной категории, нет.

Однако следует учитывать, что на основании ст. 3 Трудового кодекса РФ в трудовых отношениях мужчины и женщины имеют равные права, и именно поэтому работник-мужчина пользуется всеми правами, льготами и гарантиями, которые предоставляются ТК РФ женщинам-матерям.

Кроме того, нормами ст. 264 ТК РФ четко определено, что гарантии и льготы, предоставляемые женщинам в связи с материнством (ограничение работы в ночное время и сверхурочных работ, привлечение к работам в выходные и нерабочие праздничные дни, направление в служебные командировки, предоставление дополнительных отпусков, установление льготных режимов труда и другие гарантии и льготы, установленные законами и иными нормативными правовыми актами), распространяются на отцов, воспитывающих детей без матери, а также на опекунов (попечителей) несовершеннолетних.

Одиноким отцом можно считать мужчину, имеющего ребенка и воспитывающего его без матери (если, например, мать ребенка лишена родительских прав или отбывает наказание в виде лишения свободы, оставила ребенка при разводе, пропала без вести, погибла и т. д.) [4]. Существуют следующие льготы для одиноких отцов:

— **ст. 256 ТК РФ:** работающим мужчинам по письменному заявлению предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет; во время этого отпуска мужчина по его заявлению может работать на условиях неполного рабочего времени;

— **ст. 257 ТК РФ:** приемный отец может взять отпуск при усыновлении на 70 календарных дней со дня рождения ребенка (а при одновременном усыновлении двоих и более детей — 110 календарных дней со дня их рождения), а также отпуск по уходу за усыновленным ребенком (по желанию) до достижения им возраста 3 лет;

— **ст. 259 ТК РФ**: одиноких отцов, имеющих детей до 5 лет, можно привлекать к ночным работам, сверхурочным работам, работе в выходные и праздники, направлять в служебные командировки только с их письменного согласия;

— **ст. 261 ТК РФ**: установлены ограничения, связанные с увольнением по инициативе работодателя одинокого отца, имеющего ребенка в возрасте до 3 лет;

— **ст. 262 ТК РФ**: право на 4 дополнительных оплачиваемых выходных дня в месяц для ухода за детьми-инвалидами;

— **ст. 263 ТК РФ**: одиноким отцам, воспитывающим ребенка в возрасте до 14 лет, коллективным договором организации или другими документами организации может быть установлен ежегодный дополнительный отпуск без сохранения заработной платы в удобное для них время до 14 календарных дней [2].

Несмотря на то что законодательство наделяет отцов, воспитывающих детей без матери, теми же гарантиями и льготами, что и женщин, на практике реализация одинокими отцами своих прав зачастую бывает осложнена. Эксперты утверждают, что дело не в менталитете, а в условиях, создаваемых государством. Так как статус «одинокого отца» на территории Российской Федерации не имеет юридической силы, то и льгот таким семьям не предоставляется.

Считается, что одинокий отец всегда оказывается в более трудной ситуации, чем одинокая мать. И дело здесь не только в том, что до того, как остался один, мужчина не умел делать женскую работу: стирать, готовить, убирать. Этому можно научиться. Гораздо более сложные проблемы лежат в области мужской психологии. Сложностью для мужчин являются отношения с детьми. Женщина по природе более эмоциональна, поэтому дети одиноких матерей редко жалуются на отсутствие внимания, в котором дети одиноких отцов часто испытывают дефицит. Здесь сказываются и нехватка времени, и усталость, и строгость воспитания. В результате возникает запущенный конфликт с ребенком. Не менее сложным для мужчин является создание новой семьи. Главной причиной здесь выступают дети, т. к. новую женщину в семье дети воспринимают гораздо хуже, чем нового мужчину. Именно поэтому многие отцы не решаются на повторный брак.

Не каждый мужчина способен остаться в одиночку с ребенком. Здесь требуются особый склад ума и характера, терпение и понимание долга на уровне самопожертвования. Ведь, согласно общественному мнению, женщина с ребенком — это естественно по самой природе, а мужчина, одиноко воспитывающий детей, — просто уникальный случай.

Серьезная проблема — финансовые трудности, отсутствие государственных пособий и дотаций для этой категории населения. Часто одинокие отцы не получают дотацию на ребенка. Случается, что отцы предпочитают работу воспитанию, чтобы материально обеспечить семью. Но бывает и так, что отцы начинают работать меньше, чтобы больше внимания уделять воспитанию детей, а это ведет к обнищанию семьи.

Нередко у одиноких отцов возникают сложности в отношениях с чиновниками управления социальной защиты населения, когда они обращаются к ним за помощью. Получив неверную информацию, мужчины редко обращаются повторно.

Среди вопросов, требующих своего разрешения, плохие жилищные условия одиноких отцов. Хотя существует федеральная программа по сносу ветхого

жилья, однако это не очень помогает, коммунальные условия, в которых живут дети с одинокими отцами, оставляют желать лучшего. У них нет льгот на образование, медицинское обслуживание, другие социальные услуги. Например, на получение места в дошкольном учреждении у одиноких матерей есть преимущество, а у одиноких отцов нет.

Наблюдаются проблемы с получением гражданства для детей, т. к. чиновники привыкли работать с одинокими матерями.

На первый взгляд, главная проблема неполных семей — материальная. Это не совсем так. Как считают психологи, мужчина, оставшийся с ребенком один на один, без мамы, решает гораздо больше проблем, чем оказавшаяся в таком же положении женщина. Женщина может воспитать ребенка одна, потому что для нее привычно выполнять несколько дел сразу: работать, контролировать передвижения ребенка после школы, заниматься хозяйством, совершать покупки [1].

Мужчинам сложно сконцентрироваться на нескольких делах. Отцы-одиночки сталкиваются с чисто бытовыми трудностями — приготовить еду, распределить семейный бюджет. Они испытывают дискомфорт на родительских собраниях в школе (потому, что на них, как правило, приходят мамы, а не папы). Они боятся, что не сумеют воспитать детей, особенно девочек. К тому же мужчина, оставшийся без жены, как правило, стремится найти новую спутницу жизни, но при этом как отец он боится создавать новую семью, опасаясь за детей. Поэтому, сталкиваясь с этим постоянно, отцы озлобляются и замыкаются в себе. Говорить о своих проблемах они не хотят — боятся, что люди воспримут это как слабость.

Отсюда можно сделать вывод, что женщины более приспособлены к тому, чтобы контролировать и бытовую, и материальную, и воспитательную сферы жизни. Мужчины же могут обеспечить своего ребенка всем необходимым, но предпочитают нанять няню, избегают походов в школу и не всегда компетентны в вопросах воспитания (особенно если в семье растет девочка). Кроме того, им сложнее преодолеть существование без женщины и полностью посвятить себя детям.

Таким образом, можно перечислить основные проблемы, с которыми сталкиваются мужчины, одиноко воспитывающие детей:

- отцы-одиночки часто испытывают трудности бытового характера: в приготовлении еды, закупке продуктов, поддержании порядка в доме, распределении семейного бюджета и т. д.;
- отцы, одиноко воспитывающие детей, часто комплексуют на родительских собраниях, в песочнице или на детской площадке (сюда, как правило, приходят именно мамы, а не папы);
- мужчины боятся, что не справятся с воспитательным процессом, особенно, если воспитывать приходится дочку; они считают себя некомпетентными в педагогических вопросах, при этом должны принимать решение, полагаясь лишь на собственную интуицию, не имея возможности посоветоваться с партнером по поводу решения какой-либо проблемы;
- современному мужчине тяжелее справиться с большими психологическими и физическими нагрузками; безработица, а если и есть работа,

то минимальная зарплата, на которую трудно содержать семью, — все это подрывает уверенность в себе, что неизбежно ведет к нервным срывам, стрессам, болезням;

- мужчина одновременно должен взять на себя как материнские, так и отцовские обязанности: быть в одном лице и строгим отцом, и нежной мамой, научиться быть подругой для маленькой дочери и советчиком для подростка; кроме того, отцам сложнее преодолеть существование без женщины и полностью посвятить себя детям: как правило, папа стремится найти себе спутницу жизни, но при этом боится создавать новую семью, опасаясь за детей, в то время как психологи утверждают, что отцы-одиночки пользуются огромным успехом у женщин; их шанс найти вторую половину на 30 процентов выше, чем у закоренелых холостяков; женщинам нравится, когда мужчины заботятся о детях, но отцы-одиночки часто не хотят повторно жениться, опасаясь, что новый брак плохо отразится на их детях, т. к. появление новой мамы дети переживают гораздо тяжелее, чем появление нового папы.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что в реалиях современного российского общества отцы, одиноко воспитывающие своих детей, сталкиваются с целым рядом проблем различного характера, касающихся различных сфер жизни. Очень низкий уровень информированности о работе центров социального обеспечения представляет собой в настоящее время достаточно острую проблему. Большинство российских отцов-одиночек никогда не обращались ни в один центр социальной защиты. В силу того, что одинокие отцы становятся все более многочисленной группой, появляется необходимость принимать соответствующие политические меры и создавать поддерживающие службы. Самым важным, по нашему мнению, в данном направлении является узаконивание в РФ статуса «отец-одиночка», т. к. в настоящее время подобного понятия на территории России не существует, следовательно, отцы, самостоятельно воспитывающие детей, не имеют права на полный пакет льгот, которыми пользуются матери-одиночки.

Библиографический список

1. Ильин Е. Н. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб. : Питер, 2002. 544 с.
2. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Е. Н. Сидоренко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2005. 850 с.
3. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
4. Наумова Р. Л. Льготы для одиноких родителей // Кадровые решения. 2008. № 2. С. 65—68.
5. Петелин Г. Отцы-молодцы // Родная газета. 2005. № 17(103). С. 17.

РЕЦЕНЗИИ

Д. Ольшанский

ИЗОБРАЖАЯ ЖЕНЩИНУ. О СПЕКТАКЛЕ «СВАДЬБА» ВЛАДИМИРА ПАНКОВА (Чеховский фестиваль, 6—8 июля 2010 г.)

Вспомнился отрывок из «Двенадцати стульев», где Киса и Ося ходили в театр на одну современную постановку:

« — Кто из этих троих Агафья Тихоновна?

— Они все — Агафьи Тихоновны».

Вот и у минских коллег на сцене сразу три Анны Мартыновны Змеюкины, должно быть по аналогии с тремя сестрами, постоянно порывающихся уехать или, в версии Панкова, уплыть в другой мир на самодельном корабле, но утопающих в праздности танцулек и гулянок. Действительно, если герой-мужчина у Чехова, как правило, реализует свою индивидуальную волю, его женщины выступают во множественном числе (поэтому спектакль сопровождается постоянным отсчетом), апеллируют к желанию друг друга, отражаются друг в друге и создают поле феминности, промежуточности, кажимости. У Чехова интегрированной и целостной женской фигуры не существует.

Вечная невеста Дашенька находится в настолько преклонном возрасте, что годится в матери своему жениху; то ли прекрасная дама, то ли божий одуванчик, она не желает принимать участия в этом пошлом балагане, исполненном алчности, тщеславия и разврата. Видимо, духовная чистота в глазах режиссера напрямую связана с возрастом и отсутствием женственности.

Вполне чеховский ход, правда излишне карикатурный.

Невеста у Панкова лишена видимой привлекательности, ее женственность деланна, кукольно сконструирована, а потому правдоподобна: действительно, женщинами не рождаются, ими постоянно нужно становиться, постоянно играть в женственность, доказывать ее; женщина всю жизнь изображает из себя женщину. Такой гротеск панковской (ударение можно ставить на любой слог) невесты представляет идеальную женщину, поскольку она создает то, чем не обладает, она притворяется женщиной, изображает ее. Ведь женственность — маска, которую с равным успехом могут носить не только представительницы второго пола, быть женщиной — это такой карнавальный ритуал, как говорил Лакан. Как ни парадоксально, именно это расщепление между персонажем и актрисой (хотя это не обязательно должна быть актриса и вообще жи-

вой человек) обнаруживает суть женственности как совершенного продукта цивилизации, вторичного по отношению к природе.

Еще одна раблезианская фигура — капитан Ревунов-Караулов, который тоже выдает себя не за генерала, за того, кем он является в действительности. Его роль, как и роль невесты, состоит в том, чтобы казаться, а не быть. В сталинском френче, с высокой трибуны, он толкает бессвязную речь о разнообразии морских команд для того, чтобы потом оказаться еще более дутой фигурой, нежели смерть-невеста.

Не случайно в финале спектакля именно они, чужие на этой «вяселле» жизни, лопнувшие карнавальные шарики, уходят под руку друг с другом, оставляя после себя обнуленную реальность разрушенного карнавала. Не случайно слово «невеста» этимологически восходит к «не весть кто» и говорит о промежуточном положении между девичеством и женственностью, между фамилией отца и фамилией мужа. Являясь ритуальными фигурами, капитан и невеста у Панкова воплощают половинчатость: маленький диктатор в звании капитана второго ранга и смерть в подвенечном уборе словно повисают между реальностью и кажимостью.

Нельзя не обратить внимание на социальную идеологию спектакля, создающую еще один разрыв: Эпаминонд Максимович — единственный, кто говорит по-русски, все остальные исполняют Чехова на белорусском языке (только уж и субтитры надо было давать на киргизском для еще большей социально-политической заостренности всех постсоветских проблем). Однако найти точку смысловой сборки во всем этом развенчанном постсталинском мифе, обрушившемся карнавальном балагане и вавилонском языковом смешении, нагромождении цитат, мюзикла, кабаре, народных песен, Стравинского и «Олеси» — довольно сложно. Постмодернистская избыточность сама по себе становится уже чем-то избитым в современном театре.

Аннотации

***Хасбулатова О. А., Эрмиш И. Г.* Модернизационные аспекты системы социальной защиты населения**

Формулируется новая модель социальной защиты населения, построенная на личной ответственности гражданина и участии государства в социальной поддержке определенных категорий населения в четко ограниченных пределах. В связи с этим вводятся понятия активной и пассивной социальной поддержки, обозначены критерии классификации, раскрывается сущность модернизации политики социальных льгот.

Ключевые слова: модернизация системы социальной защиты, активная и пассивная социальная поддержка, адресная социальная поддержка, социальный контракт.

***Смирнова А. В.* Брак с детьми или без детей: установки молодоженов (На материале Ивановской области)**

Анализируются репродуктивные установки пар Ивановской области, вступающих в брак, в том числе рассматриваются мнения будущих супругов о роли детей в сохранении семьи и брака, об идеальном, желаемом и ожидаемом количестве детей. Описываются некоторые факторы, влияющие на репродуктивные установки.

Ключевые слова: семья, рождаемость, репродуктивные установки.

***Полюшкевич О. А.* Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе**

Приводятся результаты исследования социальной солидарности в современном российском городе и анализируются формы и причины гендерной дифференциации. На основе анализа материалов фокус-групп и трансимволического анализа выявляются культурно-традиционные формы восприятия солидарности мужчинами и женщинами в локальном пространстве городской среды.

Ключевые слова: социальная солидарность, гендерные различия, современный город.

***Пушкарёва Н. Л.* Женщины в российской науке конца XX — начала XXI века: обобщение количественных характеристик**

На обширном материале анализируются истоки и последствия третьей волны феминизации российской науки в конце XX — начала XXI в., проблемы неравной оплаты и иные проявления гендерной асимметрии в современной системе РАН. Публикация продолжает серию статей автора, ведущего лонгитюдное исследование российского академического сообщества с начала 2000-х гг.

Ключевые слова: история женского труда, история женщин, гендер, гендерные дискриминации, гендерная асимметрия, антропология академической жизни, история повседневности.

***Куприянов И. С.* Коррупционные практики населения региона: гендерный аспект**

Исследуется гендерный контекст бытовой коррупции. На материалах лонгитюдного социологического исследования, проведенного автором в 2008—2009 гг. в Ивановской области, анализируются различия в восприятии и понимании коррупции

мужчинами и женщинами. Описываются гендерные особенности коррупционных практик населения.

Ключевые слова: бытовая коррупция, взятка, охват коррупцией, риск коррупции, гендерная специфика взяточничества.

Смирнов Д. А. Мужчина «неистошимого терпения» и его ангелы в женском обличе: Вальтер Беньямин о гендерном аспекте своей жизни в историческом контексте

Рассматривается история взаимоотношений немецкого мыслителя Вальтера Беньямина с представительницами своего времени в контексте решения им социально-философской проблемы места женщины в жизни мужчины. Особое внимание обращено на конкретный круг знакомств с женщинами, повлиявшими на формирование представлений Беньямина о данной проблеме. Беньямин нашел социально-философский ответ на вопрос об отношениях мужчин и женщин в исторической перспективе, который стал органичной частью его разноплановой концепции диалектического образа.

Ключевые слова: Беньямин, диалектический образ, фланер, гендер.

Мухина З. З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX — начале XX в.)

Рассмотрен вопрос добрачных отношений девушки-крестьянки, занимавших определенное место в ее повседневной жизни. Проведено сравнение, с одной стороны, с традиционной трактовкой этого вопроса в отечественной историографии и с картиной добрачных отношений крестьянского парня — с другой. Исходя из материалов источников показано, что традиционная трактовка добрачных отношений в русской деревне нуждается в определенной корректировке.

Ключевые слова: девушка-крестьянка, повседневность, брак, женское пространство, гендер, традиция, новация.

Сулейманова Р. Н. Женский социум советской Башкирии в 1945—1965 гг.: опыт организации, формы политической активности

Рассматриваются развитие женского движения в Башкирии в 1945—1965 гг., его особенности и противоречия, показывается участие башкирских женщин в общественно-политической жизни республики.

Ключевые слова: женский социум, Башкирия, женсовет, женское движение, общественно-политическая жизнь.

Стасенко О. В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы

Рассматриваются феномен одинокое отцовства и причины его возникновения. Охарактеризованы основные проблемы, с которыми сталкиваются современные отцы-одиночки. Актуализирована необходимость присвоения юридического статуса термину «отец-одиночка».

Ключевые слова: отцовство, отец-одиночка, социальные проблемы.

Summaries

Khasbulatova O. A., Ermish I. G. Modernization aspects of the system of people's social support

The authors put a new model of social support of citizens to use, which is based on personal responsibility of citizens and limited State support of selected groups of citizens. The new concepts of active and passive social support are introduced, the politics of modernization of social benefits is described and explained.

Key words: modernization of the system of social support, active and passive social support, targeted social support, social contract.

Smirnova A. V. The marriage is with the children and without them: the newly-married couples attitudes

The article analyses the reproductive attitudes of the Ivanovo region newly-married couples, their opinions of the children's role in the family, the perfect expected and wished children numbers, the determinative factors.

Key words: family, birth-rate, reproductive attitudes.

Polyushkevich O. A. Gender differentiation of views of the social solidarity in modern Russian city

This article presents the results of the study of social solidarity in modern Russian city, and analyzes the types and causes of gender differentiation. By analyzing the materials focus groups and transsymbolic analysis reveals the cultural and traditional perceptions of solidarity of men and women in the local space of the urban environment.

Key words: social solidarity, gender differences, modern city.

Pushkareva N. L. Women in Russian science from the end of XX till the beginning of XXI c.: generalization of quantitative data

The article deals with the analysis of the origins and consequences of the third wave of the feminization of the Russian science at the turn of the centuries, unequal pay and other manifestations of gender asymmetry in the Russian Academy of Sciences. It continues the series of author's publications on the long-time research of the Russian academia in 2000's.

Key words: history of women's labor, women's history, gender, gender asymmetry, gender discrimination, anthropology of academic life, history of everyday life.

Kupriyanov I. S. Public corruption practices in Ivanovo region: gender aspect

The article is devoted to the investigation of gender context of everyday corruption. Differences in men and women perception and comprehension of corruption are analyzed on the materials of the longitudinal sociological research, done by the author in 2008—2009 in Ivanovo region. Gender peculiarities of public corruption practices are described.

Key words: everyday corruption, bribe, corruption coverage, corruption risk, gender peculiarities of bribery.

***Smirnov D. A.* «The man of inexhaustible patience» and his female angels: Walter Benjamin about gender aspect of his life in a historical context**

The article describes the history of mutual relations between German thinker Walter Benjamin and female representatives of his time, considered in the context of solving him the socio-philosophical problem of a woman's place in the life of a man. Special attention in the article is paid to the specific circle of familiarity with women who had influenced the formation of Benjamin's representations on this problem. Benjamin had found his own socio-philosophical answer to the question of relations between men and women, considered by him in historical prospect, which became an organic part of his versatile concept of a dialectic image.

Key words: Benjamin, dialectical image, flaneur, gender.

***Mukhina Z. Z.* «Devka na pore, ne uderzhish' na dvore...» (Investigations of virginity culture between Russian peasants, the second half of XIX — the beginning of XX c.)**

The article examines the problem of young peasant women before-marriage relations that took a definite place in her everyday life. On the one hand it is compared with the traditional treatment of this problem in Russian historiography, on the other hand — with the picture of young peasant man before-marriage relations. It is demonstrated according to sources that the traditional treatment of before-marriage relations needs the definite correction.

Key words: young peasant women, everyday life, marriage, female space, gender, tradition, innovation.

***Suleymanova R. N.* Female society in Soviet Bashkiria in the second half of 1945—1965: experience of organization, forms of political activity**

Women's movement development in Bashkiria in 1945—1965, its features and the contradiction is considered. Participation of the Bashkir women in a political life of republic is shown.

Key words: female society, Bashkiria, female council, women's movement, political life.

***Stasenko O. V.* Lonely fatherhood in modern society: reasons of emergence and basic problems**

The phenomenon of single fathers and the reason of its emergence are analyzed in the article. The basic problems which modern single fathers face are characterized. The necessity of giving the legal status to the term «single father» is observed.

Key words: fatherhood, single father, social problems.

Авторы номера

- КУПРИЯНОВ**
Илья Сергеевич аспирант кафедры социологии,
Ивановский государственный энергетический
университет им. В. И. Ленина.
E-mail: ilyakup@mail.ru
- МУХИНА**
Зинара Зиевна кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой гуманитарных наук,
Старооскольский технологический институт.
E-mail: mukhiny@mail.ru
- ОЛЬШАНСКИЙ**
Дмитрий Александрович частный психоаналитик
(Санкт-Петербург).
E-mail: olshansky@hotmail.com
- ПОЛЮШКЕВИЧ**
Оксана Александровна кандидат философских наук, доцент кафедры
регионоведения и социальной экономики,
Институт социальных наук
Иркутского государственного университета.
E-mail: okwook@mail.ru
- ПУШКАРЕВА**
Наталья Львовна профессор, доктор исторических наук,
зав. сектором гендерных исследований,
Институт этнологии и антропологии РАН.
E-mail: pushkarev@mail.ru
- СМИРНОВ**
Дмитрий Александрович кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
E-mail: d-smirnov@mail.ru
- СМИРНОВА**
Анна Владимировна кандидат социологических наук,
Департамент социальной защиты
населения Ивановской области.
E-mail: anyasmir@yandex.ru

Сведения об авторах

- СТАСЕНКО
Оксана Викторовна** кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы,
начальник отдела социальной работы
со студентами учебно-воспитательного управления,
Ставропольский государственный университет.
E-mail: oksanastasenko@yandex.ru
- СУЛЕЙМАНОВА
Рима Нугамановна** кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник, заведующий отделом новейшей истории
Башкортостана Института истории,
языка и литературы,
Уфимский научный центр РАН.
E-mail: rnsulejman@mail.ru
- ХАСБУЛАТОВА
Ольга Анатольевна** доктор исторических наук, профессор,
первый заместитель Председателя Правительства
Ивановской области.
E-mail: oax@gov37.ivanovo.ru
- ЭРМИШ
Ирина Геннадьевна** начальник Департамента социальной защиты
населения Ивановской области.
E-mail: ige.kszn.ivanovo@mail.ru

Содержание

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

- Хасбулатова О. А., Эрмиш И. Г.** Модернизационные аспекты системы социальной защиты населения 3
- Смирнова А. В.** Брак с детьми или без детей: установки молодоженов (На материале Ивановской области) 8
- Полюшкевич О. А.** Гендерная дифференциация представлений о социальной солидарности в современном российском городе 15

ЖЕНЩИНА И НАУКА

- Пушкарева Н. Л.** Женщины в российской науке конца XX — начала XXI века: обобщение количественных характеристик 24

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

- Куприянов И. С.** Коррупционные практики населения региона: гендерный аспект 36

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

- Смирнов Д. А.** Мужчина «неистоимого терпения» и его ангелы в женском обличье: Вальтер Беньямин о гендерном аспекте своей жизни в историческом контексте 47
- Мухина З. З.** «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (О девичьей чести в крестьянской среде Центральной России во второй половине XIX — начале XX в.) 58
- Судейманова Р. Н.** Женский социум советской Башкирии в 1945—1965 гг.: опыт организации, формы политической активности 69

ДИСКУССИИ

- Стасенко О. В.** Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы 78

РЕЦЕНЗИИ

- Ольшанский Д.** Изображая Женщину. О спектакле «Свадьба» Владимира Панкова (Чеховский фестиваль, 6—8 июля 2010 г.) 83

- Аннотации* 85
- Авторы номера* 89

Contents

MODERNIZATION POTENTIAL OF SOCIAL POLICY

- Khasbulatova O. A., Ermish I. G.** Modernization aspects of the system of people's social support 3
- Smirnova A. V.** The marriage is with the children and without them: the newly-married couples attitudes 8
- Polyushkevich O. A.** Gender differentiation of views of the social solidarity in modern Russian city 15

WOMAN AND SCIENCE

- Pushkareva N. L.** Women in Russian science from the end of XX till the beginning of XXI c.: generalization of quantitative data 24

SOCIOLOGICAL RESEARCH: METHODOLOGY AND METHODS

- Kupriyanov I. S.** Public corruption practices in Ivanovo region: gender aspect 36

PROBLEMS OF WOMEN'S AND GENDER HISTORY

- Smirnov D. A.** «The man of inexhaustible patience» and his female angels: Walter Benjamin about gender aspect of his life in a historical context 47
- Mukhina Z. Z.** «Devka na pore, ne uderzhish' na dvore...» (Investigations of virginity culture between Russian peasants, the second half of XIX — the beginning of XX c.) 58
- Suleymanova R. N.** Female society in Soviet Bashkiria in 1945—1965: experience of organization, forms of political activity 69

DISCUSSIONS

- Stasenko O. V.** Lonely fatherhood in modern society: reasons of emergence and basic problems 78

REVIEWS

- Olshansky D.** Playing woman. On Sergey Pankov's performance «Wedding» (The Chekhov's Festival, July 6—8, 2010) 83
- Summaries* 87
- Authors of the issue* 89

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (56) — 2010

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. А. Кручинина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 09.06.2010 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47